

V U S H A A R



КОСМОЛОГИЯ ШУМЕРОВ

МИФЫ, ХРАМЫ И ЗВЁЗДЫ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ХАОС

ТИАМАТ — ПЕРВОЗДАННЫЙ
МОРСКОЙ ДРАКОН, МАТЬ ВСЕХ ВОД



АНШАР И КИШАР

НЕБО (АНШАР) И ЗЕМЛЯ (КИШАР)
РОЖДАЮТ БОГОВ



ЭНЛИЛЬ РАЗДЕЛЯЕТ НЕБО И ЗЕМЛЮ

ОН РАССЕКАЕТ ТЕЛО ТИАМАТ
И СОЗДАЕТ УПОРЯДОЧЕННЫЙ МИР



АН (НЕБО)
ОБИТЕЛЬ БОГОВ

КИ (ЗЕМЛЯ)
МИР ЛЮДЕЙ

ИРКАЛЛА
(ПОДЗЕМНЫЙ МИР)
ЦАРСТВО МЁРТВЫХ



КОСМИЧЕСКИЙ ХРАМ — ДОМ БОГОВ И ЦЕНТР МИРА



ТИАМАТ
ПЕРВОЗДАННЫЕ ВОДЫ
И ХАОС



БОГИ ПЕРВОГО
ПОКОЛЕНИЯ
АНУННАКИ



ЗВЁЗДЫ
И СУДЬБА
НЕБЕСНЫЕ ЗНАКИ —
ПОСЛАНИЯ БОГОВ



ЗИККУРАТ
ОСЬ МИРА
СВЯЗЬ НЕБА, ЗЕМЛИ
И ПОДЗЕМНОГО МИРА



ПОРЯДОК
И ГАРМОНИЯ
ПОБЕДА НАД ХАОСОМ
ЧЕРЕЗ ЗНАНИЕ И РИТУАЛ

ШУМЕРЫ УВИДЕЛИ ВО ВСЕЛЕННОЙ НЕ ХАОС, А ПОРЯДОК,
УСТАНОВЛЕННЫЙ БОГАМИ И ПОДДЕРЖИВАЕМЫЙ РИТУАЛОМ И ЗНАНИЕМ.

VUS HAAR

Космология шумеров

«Автор»

2026

HAAR V.

Космология шумеров / V. HAAR — «Автор», 2026

Пять тысяч лет назад между Тигром и Евфратом шумеры создали космологию, пережившую их самих. Они увидели в небе не хаос, а порядок — «ме». Их модель Вселенной включала первозданный океан, семь небес, подземные воды Абзу и планеты-странники. Глиняные таблички хранят записи о фазах Луны, затмениях, календарях. Боги Ан, Энлиль и Энки разделили мир, Инанна спускалась в царство мёртвых, потоп стал прообразом библейского. Шумеры подарили нам шестидесятеричную систему, зодиак и градусы. Книга прослеживает нити от зиккуратов до телескопов, от мифа о Зиусудре до гипотез о цикличности Вселенной. Автор не даёт ответов, но предлагает задуматься: древняя космология — не вымысел, а иная логика, где звезда — живое существо. Переплетены этнография, археология, астрофизика. Отдельные главы о неразгаданном: как измеряли расстояния, почему нет стихии воздуха, что знали о приливах. Это путешествие от сотворения до гибели, от ритуалов до квантов.

© HAAR V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Земля между рек: колыбель первой цивилизации	8
Глава 2. Чёрноголовые люди: откуда пришли шумеры	13
Глава 3. Этногенез в тисках истории: шумеры и их соседи	18
Глава 4. Города-государства: Ур, Урук, Лагаш и Ниппур	23
Глава 5. От поселения к империи: политическая история Шумера	28
Глава 6. Аккадское завоевание и семитизация Месопотамии	32
Глава 7. Шумерский язык: ключ к пониманию космоса	36
Глава 8. Клинопись — небо, запечатлённое в глине	40
Глава 9. Ан-Ки: небо и земля как единое целое	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Космология шумеров

Пролог

Ночное небо над равниной Двуречья не похоже на небо над горами или морем. Здесь, между Тигром и Евфратом, горизонт распластан до предела, словно сам воздух придавлен тяжестью бесконечности, и звёзды не просто висят над головой — они обступают человека со всех сторон, от края до края, замыкая купол, под которым нет ни одной возвышенности, способной прервать эту круговую панораму. Когда солнце уходит за песчаные барханы на западе и последние отблески багрянца гаснут на глиняных стенах городов, наступает миг, который древние называли временем между волками — час, когда звери ещё не вышли на охоту, а люди уже зажгли светильники, но свет их слишком слаб, чтобы соперничать с первыми появляющимися светилами. И тогда, в этой прослойке сумерек, происходит нечто, что повторялось каждую ночь на протяжении тысяч лет: человек поднимает голову.

Этот жест — поднятая голова, устремлённый вверх взгляд — возможно, самое древнее и самое человеческое из всех движений. Охотник смотрит в небо, чтобы узнать время; земледelec — чтобы предсказать дождь; мореплаватель — чтобы найти путь; но есть ещё один взгляд, лишённый утилитарности, взгляд, который не ищет ни пищи, ни дороги, ни погоды. Он ищет смысл. Или, точнее, он ищет порядок в том, что кажется хаосом. Мириады огней, рассыпанных по чёрному бархату, движутся, мерцают, загораются и гаснут в предрассветный час, и первобытный разум отказывается признать, что всё это — лишь случайные вспышки газовых шаров, удалённых на такие расстояния, что даже свет, самый быстрый бегун во Вселенной, тратит тысячи лет, чтобы достичь зрачка. Нет, для древнего человека звёзды не могли быть безразличными огнями. Они были письменами, начертанными на небесной скрижали, и каждое их движение несло весть, каждый неожиданный блеск — предупреждение или обещание.

И никто не вчитался в эти письмена глубже, никто не отдал им больше своего времени и души, чем чёрноголовые люди, населявшие междуречье задолго до того, как Египет сложил свои пирамиды, задолго до того, как критские быки заплясали в лабиринтах, задолго до того, как Инд породил свои загадочные города. Они называли себя саг-гиг-га — «чёрноголовые», и это имя, лишённое расового высокомерия, говорило лишь о том, что они отличали себя от соседей по цвету волос, быть может, самых тёмных во всей Передней Азии. Но не цвет волос сделал их бессмертными, и не глиняные стены их городов, которые давно превратились в холмы, поросшие полынью. Бессмертие им дало слово, выдавленное на влажной глине палочкой-стилусом, — слово, которое впервые в истории человечества зафиксировало не торговую сделку и не имущественный спор, а движение небесных тел.

Представление о том, что шумеры были первыми астрономами, не является преувеличением, хотя современные историки науки с осторожностью относятся к громким титулам. Разумеется, наблюдения за звёздами велись и в каменном веке — мегалитические сооружения Европы, такие как Стоунхендж, фиксировали солнцестояния с точностью, поражающей воображение. Но эти сооружения не оставили письменных свидетельств, они безмолвствуют, как древние камни, и мы можем лишь гадать, какая мифология стояла за их геометрией. Шумеры же оставили тысячи глиняных табличек, испещрённых клинописными знаками, и среди этих табличек — десятки, посвящённые небу. Они не просто наблюдали, они записывали, систематизировали, вычисляли. Они ввели шестидесятеричную систему счёта, которая до сих пор живёт в наших градусах, минутах и секундах, в нашем делении круга на триста шестьдесят частей, в нашем отсчёте времени. Каждый раз, когда современный астроном говорит о «градусе склонения» или «часе прямого восхождения», он произносит формулы, неосознанно вос-

ходящие к тем самым писцам, которые сидели на плоских крышах зиккуратов и смотрели на Венеру, записывая её появление на восточном горизонте.

Но почему именно шумеры? Почему не египтяне с их невероятной архитектурной математикой, не индусы с их грандиозными космическими циклами, не китайцы с их непрерывной астрономической традицией? Ответ кроется в уникальном географическом положении Двуречья, которое одновременно было благословением и проклятием. Реки Тигр и Евфрат разливались нерегулярно, в отличие от предсказуемого Нила, и шумерскому земледельцу приходилось быть не просто пахарем, но метеорологом, гидрологом, календаристом. Он должен был знать, когда начнётся разлив, когда спадут воды, когда нужно сеять, а когда собирать урожай, — и ошибка в сроках означала голод для всего города. Этой практической необходимостью объясняется раннее развитие календаря, но этим же объясняется и то, что шумеры были вынуждены наблюдать не только Солнце и Луну, но и планеты, которые, как казалось, не подчинялись общим правилам и блуждали среди неподвижных звёзд. Их движения были связаны с непредсказуемостью, с тем, что нельзя было объяснить простым наблюдением за восходами и закатами. И шумерские жрецы, взяв на себя роль толкователей этих небесных странников, постепенно превратили прикладную астрономию в космологию — в учение о том, как устроен мир от его основания до самых дальних пределов.

Космология шумеров не является единой, стройной теорией в современном смысле слова. Она не была записана в одном трактате, подобно «Альмагесту» Птолемея или «Диалогу» Галилея. Она складывалась веками, вбирая в себя локальные культы разных городов, политические амбиции царских династий, поэтические вымыслы сказителей и точные расчёты храмовых писцов. И потому в ней есть противоречия, наложения, архаизмы, соседствующие с удивительной прозорливостью. В одном мифе небо создано из тела убитого чудовища, в другом — оно всегда существовало как первозданный океан. В одном тексте планеты — это боги, в другом — это «дикие козы», блуждающие по пастбищу звёзд. Но именно эта многоголосица и делает шумерскую космологию живой и притягательной. Это не окостеневшая догма, а развивающееся знание, которое менялось вместе с обществом, отражая его тревоги и надежды.

И, быть может, самое поразительное в шумерской космологии — не её конкретные утверждения, а сам способ мысли, которым она пронизана. Шумеры не разделяли мир на физический и метафизический, на объективный и субъективный. Для них не существовало «естественных законов» в нашем понимании — законов, действующих автоматически, без личного вмешательства. Каждое движение светила было актом воли божества, каждое затмение — выражением гнева или печали, каждое землетрясение — шагом гиганта, несущего небо. Но при этом они не впадали в фатализм. Они верили, что знание небесных паттернов позволяет предвидеть божественные решения, а предвидение даёт возможность смягчить гнев, принести жертву, совершить ритуал — словом, повлиять на ход событий. Астрономия и астрология для них были неразрывны, как две стороны одной глиняной таблички: по одной стороне читаешь движение, по другой — его смысл.

Сегодня, когда телескопы проникают в глубины пространства на миллиарды световых лет, когда космические аппараты садятся на поверхность комет и посылают изображения далёких планет, древняя космология может показаться наивной. Но это впечатление обманчиво. Шумеры поставили вопросы, на которые наука до сих пор ищет ответы: как возник мир из ничего или из хаоса? Есть ли у Вселенной начало и будет ли у неё конец? Каково место человека в безмерном пространстве? Они ответили на эти вопросы языком мифа, но миф, в отличие от сухой формулы, обращается не только к разуму, но и к воображению. Он говорит не столько о фактах, сколько о ценностях: о том, что есть добро и зло, что есть справедливость, в чём смысл смерти. И потому, читая шумерские тексты о создании мира, мы имеем дело не с ошибочными научными теориями, а с одним из великих человеческих документов, в которых запечатлён способ бытия целого народа.

Автор этих строк не ставит целью пересказать все известные факты о шумерской астрономии — это сделано в десятках академических монографий, и повторять их без необходимости было бы пустой тратой времени и чернил. Задача этой книги иная: погрузиться в шумерское мировоззрение настолько глубоко, насколько это возможно для человека XXI века, сохраняя при этом критическую дистанцию, позволяющую видеть и величие, и ограниченность древнего мышления. Каждая глава должна быть самостоятельным рассказом, который может быть прочитан отдельно, но вместе они складываются в мозаику, где проступает нечто большее, чем сумма частей. Читатель пройдёт путь от этногенеза до космогонии, от устройства зиккурата до структуры звёздных каталогов, от сельскохозяйственного календаря до эсхатологических пророчеств. И на этом пути встретятся не только боги и герои, но и реальные люди — жрецы, писцы, цари, земледельцы, чьи имена вырезаны на глине или утрачены навсегда.

Особое внимание будет уделено нерешённым проблемам. Шумерская астрономия оставила нам множество загадок, и честный исследователь обязан признать: мы не знаем, как именно проводились наблюдения, какими инструментами пользовались, как интерпретировали полученные данные. Мы не знаем, почему некоторые тексты содержат удивительно точные числа, другие — явно ошибочные. Мы не знаем, каким образом шумерские представления передавались в более поздние культуры: через прямую преемственность, через торговые контакты или через общий праисточник. Эти лакуны не должны смущать читателя — напротив, они придают изучению шумерской космологии вкус детективного расследования, где каждая находка может перевернуть привычные представления.

И ещё одно, последнее, что необходимо сказать в начале этого путешествия. Шумеры исчезли как народ, как язык, как политическая сила. Их города превратились в холмы — телли, как называют их археологи. Их богов сменили другие боги, их письменность забылась на два тысячелетия, пока её не расшифровали в XIX веке. Но космос, который они создали в своём воображении, не исчез. Он продолжает жить в наших календарях, в наших названиях созвездий, в нашем делении времени, в нашем изумлении перед ночным небом. И когда сегодня человек смотрит на Луну и видит её серп, он видит ровно то же, что видел шумерский жрец в Уре пять тысяч лет назад. И, быть может, задаёт себе те же вопросы: почему она меняется? Откуда берётся её свет? Что будет, когда она погаснет? Разница лишь в том, что у нас есть ответы, которых не было у них, — но есть ли у нас ответы на те вопросы, которые они ещё не успели задать? Это останется открытым до последней страницы.

Глава 1. Земля между рек: колыбель первой цивилизации

Между двумя реками, чьи имена вырезаны на скрижалях истории глубже, чем на любых камнях, лежит полоса земли, которую люди называли Двуречьем. Тигр и Евфрат берут начало в горных твердых Армянского нагорья, где снега тают медленно, как время в памяти богов, и устремляются на юг, к Персидскому заливу, прорезая пустыню зелёными жилами, несущими жизнь туда, где без воды не выжил бы даже самый стойкий зверь. Между этими двумя артериями, в пространстве, которое греки позже окрестят Месопотамией, расположился край, где впервые человек возвёл глаза к небу не как охотник, следящий за полётом птицы, и не как странник, ищущий путь по звёздам, а как мыслитель, пытающийся уловить ритм самого мироздания. Именно здесь, на аллювиальной равнине, сложенной из ила, принесённого разливами, родилась цивилизация, которой суждено было подарить человечеству письменность, колёсные повозки, пивоварение и, что важнее всего для этой книги, первую в истории последовательную космологию.

Ареал расселения древних людей, ставших известными под именем шумеров, не был обширен в сравнении с империями, пришедшими им на смену. От современного Багдада на северо-западе до побережья залива на юго-востоке, от восточных пределов, где Тигр приближается к горам Загроса, до западной пустыни, где Евфрат теряется в песках, — эта территория едва достигала четырехсот километров в длину и ста пятидесяти в ширину. Однако плотность жизни здесь была такова, что каждый клочок орошаемой земли кормил десятки, а то и сотни людей, собирающихся в городах, каких мир ещё не видывал. Ур, Урук, Лагаш, Ниппур, Эриду — эти имена были не просто названиями поселений, они становились центрами власти, знания, веры, вокруг которых вращалась судьба целых поколений. И каждый из этих городов имел свой храм, свой зиккурат, свою обсерваторию на верхней платформе, откуда жрецы вели наблюдения, сравнивали, вычисляли и записывали на глину то, что считали велениями богов.

Почему именно здесь, в этой плоской, почти лишённой камня и дерева равнине, возникла такая концентрация человеческого гения? Этот вопрос мучает историков не одно столетие, и ответы на него редко бывают простыми. Разумеется, реки играли решающую роль — они несли воду в засушливый край, оплодотворяли почву илом, создавали условия для земледелия, которое было в разы продуктивнее, чем охота или собирательство. Но одной воды недостаточно. Нил был не менее щедр, Инд — не менее полноводен, Хуанхэ — не менее могуча, однако ни в Египте, ни в Индии, ни в Китае не родилась клинопись в том виде и с теми последствиями, которые мы видим в Двуречье. Шумеры создали нечто особенное — систему мышления, которая соединила практическое наблюдение с метафизическим поиском, и этот поиск привёл их к небу быстрее, чем любой другой народ древности.

Географическая определённости Двуречья, быть может, таила в себе вызов, на который шумеры ответили с неожиданной силой. С трёх сторон равнина была открыта для вторжений, и лишь на востоке, где Тигр приближался к горам Загроса, существовал естественный барьер, но и тот был проницаем для горных племён. Западная пустыня, южный залив, северное нагорье — все они оставляли щели, через которые волнами накатывались кочевники, семиты, эламиты, аккадцы, сменяя друг друга в бесконечной череде. Шумеры жили в природной ловушке, где каждый новый урожай привлекал алчные взгляды соседей, а каждый ослабленный город становился добычей. Эта постоянная угроза, это чувство незащищённости парадоксальным образом стимулировали развитие организации — ирригационные системы требовали коллективного труда, укреплённые стены — инженерной мысли, храмовые архивы — письменной фиксации. Астрономия же, позволявшая предсказывать разливы и определять сроки сева, становилась

не просто знанием, но инструментом выживания, оружием, которое давало преимущество над теми, кто не умел читать небесные знаки.

Климат междуречья был суров даже по меркам древнего мира. Зимой температура могла опускаться почти до нуля, и ветры с севера приносили колючий холод, от которого спасались в тесных глинобитных домах. Летом же жара поднималась до пятидесяти градусов, и жизнь замирала в полуденные часы, когда даже ящерицы прятались в трещинах пересохшей земли. Но именно в эти часы, когда солнце стояло в зените и тени исчезали, шумеры заметили нечто, ускользающее от жителей более умеренных широт: они увидели, что светило проходит через одни и те же точки неба в строго определённые сроки, что его путь меняется от сезона к сезону, но эти изменения повторяются с железной регулярностью. Они научились отслеживать солнцестояния и равноденствия не по приборам, которых ещё не было, а по длине теней, отбрасываемых стелами и стенами храмов, и эти наблюдения легли в основу календаря, который, после многих уточнений, достиг удивительной точности.

Первые города Двуречья возникли не на пустом месте. Археологические слои Эриду, самого древнего из известных городов, уходят вглубь на семь с лишним тысяч лет, и на нижних уровнях учёные находят следы рыбацких поселений, где люди жили в хижинах из тростника, питались рыбой и моллюсками, не зная ни письменности, ни колёс, ни богов, кроме, возможно, духов рек и ветров. Но постепенно, в течение тысячелетий, происходила трансформация: тростниковые хижины сменились сырцовыми домами, рыбацкие лодки — торговыми судами, устные предания — клинописными записями. И в этой трансформации не последнюю роль сыграло небо, которое всегда было над головой, всегда открытое, всегда доступное для наблюдения безо всяких инструментов, кроме собственных глаз и терпения.

Жрецы, которые взяли на себя обязанность наблюдать за небесными светилами, были не просто религиозными деятелями — они были первыми учёными, чей труд сочетал в себе ритуал и расчёт, молитву и измерение. Они заметили, что Луна меняет свою форму в течение месяца, что её серп то растёт, то убывает, и это изменение происходит с той же регулярностью, что и разливы рек. Они заметили, что некоторые звёзды не стоят на месте, а движутся среди других, словно заблудившиеся странники, и дали им имена — Лахаму, Мумму, Нибиру. Они заметили, что Солнце не всегда восходит в одной и той же точке на восточном горизонте, что зимой оно смещается к югу, а летом к северу, и это смещение, как оказалось, связано с сельскохозяйственным циклом — посевом, ростом, сбором урожая. И, соединяя эти наблюдения в единую картину, они создали модель мира, где небо было не просто фоном, а активным участником земных событий, где каждое движение светила имело значение и смысл.

Однако не следует представлять этот процесс как поступательное восхождение от невежества к знанию. Шумерская космология, как и любая другая древняя система, была пронизана противоречиями, архаизмами, локальными вариациями, которые не всегда согласовывались друг с другом. В одном городе считали, что небо держится на семи столпах, в другом — на одной-единственной горе, вершина которой упирается в небесный свод. В одном тексте утверждалось, что Земля покоится на водах Абзу, в другом — что она плавает, как корабль, в безбрежном океане. И эти противоречия не смущали древних мыслителей, ибо они не стремились к построению единой догмы, но искали истину в разных мифах, разных ритуалах, разных озарениях. Для современного исследователя эта многоголосица представляет и сложность, и богатство: мы не можем приписать шумерам один определённый взгляд на Вселенную, но можем проследить, как этот взгляд эволюционировал, обогащался, иногда возвращался к старым формам под влиянием политических или социальных потрясений.

Одним из ключевых факторов, определивших шумерскую космологию, была вода. Вода была не просто ресурсом — она была первопричиной, началом всех начал, той самой субстанцией, из которой возникло всё сущее. Вода была везде: в реках, в каналах, в дожде, в подземных источниках, в солёном заливе на юге. И поскольку вода была так вездесуща, она проникла

в самые глубины мифотворчества. Шумеры считали, что до создания мира существовал только бесконечный, безбрежный океан, лишённый формы и времени. Из этого океана поднялась гора — первая твёрдая точка, на которой возникли небо и земля. И эта гора, названная Дуранки, стала осью мира, вокруг которой вращались все события — небесные, земные и подземные. Гора была символом устойчивости, но она же была и напоминанием о том, что под ней, в глубинах Абзу, продолжает бушевать первозданный хаос, готовый в любой момент вырваться наружу в виде потопа, землетрясения или иного бедствия.

Реки Тигр и Евфрат, питавшие землю, были для шумеров не просто географическими объектами, а живыми существами, имевшими свои имена, свои характеры, свои отношения с богами. Тигр считался быстрым, яростным, почти неукротимым — олицетворением мужской силы, которая не знает удержу. Евфрат — более спокойным, текучим, мягким, подобным женскому началу, дающему жизнь и питание. Их слияние в южной части равнины, где они образовывали обширные болота и протоки, воспринималось как брачный союз, из которого рождается плодородие. И не случайно именно в этих болотах, где вода смешивалась с тиной и глиной, археологи находят древнейшие следы человеческой деятельности: люди жили на искусственных насыпях, среди камышей, добывая рыбу и птиц, но постепенно они начали подниматься выше, осушать земли, прокладывая каналы, и этот процесс подчинения водной стихии стал метафорой их борьбы с хаосом, который они переносили и на космический уровень.

Понимание времени у шумеров также было тесно связано с географией. В отличие от египтян, чей календарь был привязан к одному событию — ежегодному разливу Нила, — шумеры имели дело с двумя реками, чьи разливы не совпадали по срокам и интенсивности. Это вынуждало их создавать более сложную систему отсчёта, в которой учитывались не только солнечные циклы, но и лунные, и даже планетные. Они заметили, что между разливом Тигра и разливом Евфрата проходит примерно месяц, и этот месяц становился дополнительной точкой отсчёта, корректирующей календарь. Такая двойная ритмика, вероятно, способствовала развитию более абстрактного мышления, более гибкого подхода к времени, что впоследствии сказалось на их астрономических вычислениях. Они не просто следили за Солнцем, они следили за Луной и планетами, и эта троичная система наблюдений породила идею о том, что небесные тела управляют различными аспектами земной жизни — Солнце дарует жизнь и тепло, Луна управляет водами и женскими циклами, а планеты несут вести о судьбах царей и народов.

Земледелие, бывшее основой экономики, требовало точного знания не только сезонов, но и погоды. Шумеры научились предсказывать дожди по положению Венеры, определять начало засухи по восходу Сириуса, вычислять время сбора урожая по фазе Луны. Эти знания передавались из поколения в поколение, обрастали деталями, корректировались, и в итоге сложился тот удивительный синкретизм, где астрономия была одновременно и наукой, и религией, и искусством. Жрецы-наблюдатели, сидя на плоских крышах зиккуратов, вели дневники, в которых отмечали каждое необычное явление: появление кометы, затмение, метеорный поток. Они не знали, что такое сила притяжения или световой год, но они знали, что если Венера появилась в определённом созвездии, то в следующем году будет засуха, а если Юпитер вошёл в знак Льва, то в царском дворце нужно ожидать смуты. Это знание было практическим, эмпирическим, основанным на веках наблюдений, и оно работало — по крайней мере, достаточно часто, чтобы сохранять авторитет жрецов и привлекать паломников из дальних стран, желавших узнать свою судьбу.

Но было бы ошибкой сводить шумерскую астрономию только к прикладным задачам. В их текстах, в их мифах, в их эпических поэмах проступает глубокое метафизическое измерение, которое невозможно объяснить одними хозяйственными потребностями. Шумеры задавали вопросы, на которые сегодня отвечает астрофизика, но отвечали на них иначе: они говорили о том, что звёзды — это воины, павшие в битве богов, или глаза богов, вззирающие на мир, или искры, высеченные из камня творения. В этих образах есть поэзия, но есть и попытка

осмыслить непостижимое, придать ему форму, доступную человеческому воображению. И эта попытка не менее ценна, чем современные математические модели, потому что она показывает, как сознание, лишённое инструментов, может построить картину Вселенной, используя единственный доступный инструмент — само сознание.

Город Эриду, считавшийся древнейшим святилищем, был посвящён богу Энки, владыке вод и мудрости. Именно в Эриду, как гласит предание, бог впервые создал человека из глины, смешанной с кровью, и научил его ремеслам, письменности, астрономии. Эриду стоял на самой южной оконечности Двуречья, вблизи от солёных вод Персидского залива, и его местоположение символизировало границу между пресной водой рек и солёной водой океана — ту самую границу, которая в шумерской космологии разделяла верхние воды небес и нижние воды Абзу. Жрецы Эриду, возможно, были первыми, кто начал систематически наблюдать за движением планет, и именно оттуда, через торговые пути и паломничества, эти знания распространились по другим городам. Слава Эриду как центра мудрости сохранялась даже тогда, когда сам город пришёл в упадок, и это показывает, что шумеры ценили знание не только за его практическую пользу, но и за его священную природу, за способность соединять человека с божественным миром.

Однако не следует романтизировать шумерскую культуру и представлять её как гармоничное общество, живущее в мире с природой и космосом. Шумеры были столь же жестоки, как и все древние народы: они воевали, угоняли рабов, разрушали города, возводили стелы в честь своих побед. Их боги были требовательны и мстительны, их жрецы — властны, их цари — амбициозны. И в этой жестокости также отражалась космология: мир был ареной борьбы между силами порядка и хаоса, и человек должен был выбирать сторону, иначе его могла поглотить бездна. Астрономия давала оружие в этой борьбе — знание позволяло предвидеть гнев богов, принести нужную жертву, совершить ритуал, и тем самым отвести беду. И, возможно, именно эта тревога, это постоянное напряжение между страхом и надеждой, породило ту удивительную точность наблюдений, которой шумеры достигли: они следили за небом, как больной следит за пульсом, и каждое отклонение воспринимали как симптом грядущего кризиса.

В исторической перспективе шумерский ареал был не изолированным островом, а узлом пересечения множества культурных потоков. Через Персидский залив шли торговые пути в Индию, через Сирийскую пустыню — в Средиземноморье, через горы Загроса — в Иранское нагорье. Эти контакты приносили не только товары, но и идеи, мифы, знания. Шумеры впитывали и перерабатывали их, создавая собственную уникальную систему, которая затем, через аккадцев, вавилонян, ассирийцев, персов, греков и арабов, проникла во всю евразийскую культуру. Поэтому, когда мы говорим о шумерской космологии, мы имеем в виду не только то, что они придумали сами, но и то, как они трансформировали чужое и передали своё дальше. Это был процесс непрерывного обмена, который не прекращался ни на миг на протяжении всей истории Двуречья.

К концу третьего тысячелетия до нашей эры шумерские города стали терять свою независимость, подпадая под власть семитских династий, сначала аккадской, затем вавилонской. Язык шумеров постепенно вытеснялся аккадским, хотя долго ещё сохранялся как язык науки и религии — подобно тому, как латынь жила в средневековой Европе после падения Рима. Но даже когда шумеры перестали существовать как отдельный народ, их космология не умерла. Она была перенята вавилонянами, усовершенствована халдейскими жрецами, переведена на греческий язык, включена в труды Птолемея и других античных астрономов. И через эту длинную цепочку преемственности она дошла до нас, пусть и в изменённом виде, но сохранив свою основу: деление круга на 360 градусов, зодиакальный пояс, шестьдесят секунд в минуте и шестьдесят минут в часе — всё это наследие шумеров, чьи имена уже никто не помнит, но чьи идеи продолжают определять повседневность современного человека.

И, быть может, самым важным открытием шумерской географии было осознание того, что Земля не является единственным и неподвижным центром Вселенной. Да, они не знали гелиоцентрической системы, они считали Солнце, Луну и планеты слугами богов, движущимися по воле высших сил. Но они заметили, что эти небесные тела перемещаются, что их орбиты сложны и не всегда понятны, что среди них есть свои законы и свои исключения. Они не отделяли астрономию от астрологии, но ведь и Кеплер, и Ньютон, и Галилей жили в мире, где эта связь ещё не была разорвана окончательно. Шумеры стояли у истоков того пути, который привёл человечество от первых каракулей на глине до космических телескопов, и потому каждый раз, когда современный человек смотрит на небо, он, сам того не ведая, повторяет жест шумерского жреца, поднимающего голову в надежде прочесть в звёздах ответ на вечный вопрос: что мы здесь делаем и куда идём.

В глинистой почве Двуречья, в её многослойных холмах, покоятся тысячи табличек, ещё не прочитанных, ещё не извлечённых на свет. Каждая из них может содержать запись наблюдения, которая перевернёт наши представления о древней астрономии, или миф, который прольёт свет на тёмные углы космологии. Земля между реками хранит свои тайны, и, возможно, самые важные из них ещё не открыты. Но даже то, что уже известно, позволяет увидеть в шумерах не просто предшественников, а мыслителей, которые на свой лад постигали те же истины, которые волнуют нас сегодня. Их ответы были другими, но вопросы — теми же. И это единство вопросов через тысячелетия и есть то, что делает шумерскую космологию вечной, как само небо, на которое они смотрели с плоских крыш своих зиккуратов.

Глава 2. Чёрноголовые люди: откуда пришли шумеры

Вопрос о происхождении шумеров относится к числу тех загадок, которые не дают покоя исследователям уже более полутора столетий, с того самого момента, когда клинописные тексты впервые заговорили на языке, не имеющем близких родственников среди известных лингвистических семей. Шумерский язык, изолированный и уникальный, не походит ни на семитские наречия окружавших их народов, ни на индоевропейские языки, ни на кавказские, ни на дравидийские. Это лингвистическое одиночество стало первым указанием на то, что чёрноголовые люди пришли в Двуречье откуда-то издалека, возможно, из горных областей, где сложилась их самобытная культура, а затем спустились на равнину, где их цивилизация расцвела пышным цветом, впитав и переплавив влияния соседей, но сохранив глубинную структуру своего мышления, запечатлённую в языке и мифах.

Самоназвание шумеров — саг-гиг-га, что переводится как «черноголовые», указывает на внешний признак, который они сами считали достаточным для идентификации. Соседние народы именовали их иначе: аккадцы называли их «шуммеру», откуда и происходит привычное нам слово, эламиты — «мелухха», ещё более древние обитатели Иранского нагорья — по-своему. Но для самих черноголовых важнее всего был цвет волос, вероятно, очень тёмный, почти чёрный, отличавший их от светловолосых и рыжеволосых соседей, которые периодически вторгались в Двуречье с севера и востока. Этот антропологический маркер сохранялся в памяти народа на протяжении всей его письменной истории, и даже в поздних текстах, когда шумерский язык уже почти вышел из живого употребления, писцы с гордостью именовали себя саг-гиг-га, противопоставляя себя «варварам» с другими цветами волос и кожи.

Археология пыталась найти ответ на вопрос о прародине шумеров, перекапывая слои древнейших поселений Месопотамии. В Эриду, в Уре, в Уруке были обнаружены культурные слои, уходящие в пятое, шестое, седьмое тысячелетие до нашей эры, но ни в одном из них не было найдено следов внезапного появления нового народа с иной материальной культурой. Напротив, всё указывало на постепенное развитие, на эволюцию от простых рыбацких и земледельческих общин к сложным городским структурам, без видимых разрывов или катастрофических вторжений. Это породило гипотезу о том, что шумеры были автохтонным населением Двуречья, что они всегда жили здесь, и их язык просто оказался реликтом, сохранившимся в окружении семитских народов, пришедших позже. Но против этой гипотезы говорила сама структура шумерского языка: его грамматика была столь специфична, столь непохожа ни на что окружающее, что её существование в изоляции казалось маловероятным. Языки имеют свойство смешиваться, заимствовать, упрощаться, и если бы шумеры жили в Двуречье с незапамятных времён, в их языке должны были бы сохраниться следы контактов с прасемитскими, праиндоевропейскими или праэламскими наречиями. Но таких следов почти нет — лексика шумерского содержит заимствования, но все они относятся к более позднему периоду, когда контакты с аккадцами и другими народами стали интенсивными. Это означало, что шумеры пришли в Двуречье уже сложившимся народом со своим языком, и пришли они достаточно поздно, чтобы не успеть ассимилироваться с предыдущим населением, но достаточно рано, чтобы создать письменность и государственность до того, как их поглотили семитские волны.

Где же искать эту прародину? Исследователи предлагали самые разные варианты: от Индии до Скандинавии, от Кавказа до Юго-Восточной Азии. Некоторые указывали на сходство шумерского языка с дравидийскими языками Индии, другие — с уральскими языками, третьи — с тибето-бирманскими. Ни одна из этих гипотез не выдержала серьёзной критики, но каждая оставила в науке свой след, породив множество дискуссий и, что важнее всего, множество новых исследований. Сегодня большинство учёных склоняются к тому, что прародина шумеров находилась где-то в горных районах Загроса, возможно, в современном Иране или

на юго-востоке Турции, откуда они мигрировали в Месопотамию в конце пятого — начале четвёртого тысячелетия до нашей эры, принеся с собой навыки ирригации, металлургии и, что самое важное, систему символов, которая со временем превратилась в клинопись. Но даже эта гипотеза не является доказанной, ибо археологические находки в горах Загроса дают лишь косвенные подтверждения, но не прямые свидетельства, такие как надписи или характерные предметы материальной культуры, однозначно связываемые с шумерами.

Вопрос о происхождении усложняется тем, что сами шумеры не оставили ясных преданий о своём переселении. Их мифы начинаются с создания мира, с появления богов, с основания городов, но о том, откуда они пришли в Двуречье, — ни слова. В эпосах и гимнах нет упоминаний о прародине, о стране предков, о далёком пути. Это молчание само по себе красноречиво: если народ не помнит своего происхождения, значит, либо оно было настолько древним, что стёрлось из памяти, либо настолько травматичным, что его предпочли забыть, либо настолько незначительным, что не сохранилось в мифах. Возможно, миграция была постепенной, растянутой на многие поколения, и потому не воспринималась как единое событие. Возможно, шумеры пришли в Двуречье не как завоеватели, а как мирные переселенцы, вливавшиеся в уже существовавшую мозаику племён, и потому их приход не оставил заметного следа в фольклоре. Возможно, они просто не считали нужным говорить о том, что для них было очевидным и не представляло ценности для ритуалов и гимнов.

Но есть и другая сторона этого молчания: оно свидетельствует о том, что шумеры воспринимали Двуречье как свою родину, как землю, данную им богами, как центр мира, вокруг которого вращается всё сущее. В их мифологии Месопотамия была местом творения, местом, где впервые появился человек, где боги основали свои храмы, где происходили главные события космической истории. Такая привязанность к территории возможна только в том случае, если народ живёт на ней достаточно долго, чтобы считать её своей исконной землёй. И это возвращает нас к гипотезе автохтонности, которая, несмотря на языковые трудности, имеет сильные стороны: она объясняет, почему в шумерских текстах нет следов памяти о переселении, почему их культура выглядит столь органично связанной с местной природой — с Тигром и Евфратом, с глиной и тростником, с финиковыми пальмами и камышовыми зарослями. Если шумеры были автохтонами, то все эти элементы естественны для их мировоззрения; если же они пришли откуда-то, то их культура должна была бы сохранить черты иной ландшафтной среды — гор, лесов, морей, — но таких черт почти нет.

Антропологические исследования также не дают однозначного ответа. Скелетные останки из шумерских захоронений, датированные разными периодами, демонстрируют смешанные признаки: есть среди них и долихокефальные (длинноголовые) черепа, и брахицефальные (короткоголовые), есть люди с тонкими и с массивными чертами лица. Это может указывать на то, что население Двуречья с самого начала было смешанным, состояло из разных этнических групп, которые постепенно сливались, образуя шумерский народ. И в этом смысле сам термин «шумеры» может быть не этническим, а скорее культурно-лингвистическим: это не столько народ в биологическом смысле, сколько сообщество, объединённое общим языком, письменностью, религией и социальной организацией. Внутри этого сообщества могли существовать различные антропологические типы, но все они идентифицировали себя как саг-гиг-га, как черноголовых людей, принадлежащих к цивилизации Двуречья.

Этногенез шумеров, таким образом, следует рассматривать не как простой процесс миграции и оседания, а как сложное культурное явление, в котором переплелись разные потоки: местные неолитические земледельцы, пришельцы из горных районов, кочевники, оседавшие на плодородных землях, торговцы, приносящие новые технологии и идеи. Этот синкретический процесс занял, вероятно, несколько тысячелетий, и его результат — шумерская цивилизация — был не просто суммой частей, а новым качеством, которое превзошло все свои компоненты. И в этом смысле шумеры подобны древнейшей глине, которая, будучи смешан-

ной с водой, кровью и пеплом, превращается в твёрдый материал, способный держать форму и хранить письма.

Одним из ключевых источников для понимания шумерского этногенеза является анализ топонимов — названий городов, рек, гор, каналов. Многие из этих названий не имеют шумерской этимологии, что указывает на то, что они были заимствованы у предыдущего населения. Урук, Ниппур, Эриду, Киш — лингвисты тщетно пытались найти в шумерском языке корни, которые могли бы объяснить эти имена. Это говорит о том, что шумеры, придя на равнину, застали здесь более древние поселения, которые они переименовывали, но часть старых названий сохранилась, вплетаясь в их собственную топонимику. Кроме того, в шумерских текстах упоминаются некие «страны» и «народы», которые предшествовали им, но эти упоминания скудны и не позволяют реконструировать картину полностью. Исследователи предполагают, что до шумеров в Двуречье жили носители так называемой культуры Эль-Обейд, оставившие после себя характерную расписную керамику и глинобитные храмы, но не знавшие письменности. Эта культура была, вероятно, автохтонной, сложившейся на месте из местных неолитических общин, и шумеры, пришедшие позже, восприняли от неё многие элементы — от форм керамики до архитектурных приёмов, от сельскохозяйственных технологий до, возможно, некоторых религиозных представлений.

Однако главный вклад в шумерскую культуру они принесли сами: это письменность. Именно письменность стала тем фактором, который выделил шумеров среди всех других народов Древнего мира и позволил им зафиксировать свои знания о космосе так, что они дошли до нас сквозь тысячелетия. Первые глиняные таблички с пиктографическими знаками появляются около 3300 года до нашей эры в Уруке, и они уже содержат сложную систему учёта, которая требовала не просто запоминания, но абстрагирования, классификации, кодификации. От учёта зерна и скота до учёта движения светил был всего один шаг, и шумеры сделали его удивительно быстро. Уже к началу третьего тысячелетия до нашей эры в их архивах появляются первые астрономические записи: наблюдения за восходом Венеры, за лунными циклами, за солнцестояниями. И эти записи сделаны на языке, который даже сегодня, при всей его изоляции, читается как живая речь, как голос человека, который смотрит на ночное небо и видит в нём не просто огни, а знаки судьбы.

Неотъемлемой частью шумерской идентичности было их самовосприятие как избранного народа, не в религиозном смысле, как у иудеев, а в культурном: они считали себя единственными носителями цивилизации, единственными, кто живёт по законам «ме» — божественным установлениям, которые определяют правильный порядок вещей. Все соседи для них были варварами, не знающими письменности, не понимающими устройства мира, не умеющими строить города и храмы. Это чувство превосходства, подкреплённое реальными достижениями, создавало мощную внутреннюю сплочённость, которая помогала им выживать в окружении враждебных племён и сохранять свою культуру даже тогда, когда политическая власть переходила в руки иноземных правителей. Аккадцы, захватившие Шумер в XXIV веке до нашей эры, сами переняли шумерскую письменность, религию, космологию, и это стало лучшим доказательством культурной гегемонии черноголовых людей.

Этническая история шумеров — это история постоянных взаимодействий с соседями: войн и союзов, браков и торговли, культурного обмена и заимствований. На севере и востоке жили племена, говорившие на эламском языке, который также является изолятом, не имеющим родственных связей с другими языковыми семьями. На западе и юге — семитские племена, чьи языки предшествовали аккадскому, а позже стали его основой. Эти взаимодействия оставили глубокий след в шумерской культуре: в языке появились заимствования из семитских языков, в мифах — образы иноземных богов, в материальной культуре — технологии, принесённые с гор и из пустыни. Но шумерское ядро оставалось устойчивым: язык, письмен-

ность, космологическая система не растворилась в потоке чужеродных влияний, а, напротив, поглощали и перерабатывали их, делая частью своего собственного мира.

Одним из самых удивительных аспектов шумерского этногенеза является то, что, несмотря на все археологические и лингвистические исследования, мы до сих пор не знаем, когда именно шумеры появились в Двуречье. Радиоуглеродный анализ датирует древнейшие слои Урука и Эриду седьмым-шестым тысячелетием до нашей эры, но письменные памятники появляются только около 3300 года, и в них уже видна полностью сложившаяся культура, с развитой мифологией, сложным пантеоном, устоявшимися ритуалами. Это означает, что шумеры существовали как народ как минимум за несколько веков до появления письменности, но эти века остаются скрытыми от нас, лишёнными свидетельств, которые могли бы рассказать об их ранней истории. Что они думали о небе в то время, когда ещё не записывали свои мысли? Какими были их первые наблюдения за звёздами, когда не было ещё ни табличек, ни стилусов, ни храмовых архивов? Эти вопросы останутся без ответа, но они не перестают волновать воображение, рисуя картину древних людей, которые, как и мы, смотрели вверх и пытались понять, что они видят.

Быть может, именно это незнание и породило ту интенсивность, с которой шумеры позднее записывали свои астрономические наблюдения: они компенсировали пробелы в своей дописьменной истории созданием всеобъемлющей письменной системы, которая фиксировала всё, что только можно было зафиксировать, от хозяйственных операций до движения планет. И в этой тотальности записи — отражение того же стремления к порядку, которое двигало ими в космологии: они не выносили хаоса, они хотели, чтобы всё было записано, классифицировано, объяснено. Эта же страсть к порядку привела к созданию календаря, который позволял предсказывать разливы и урожаи, и к созданию звёздных каталогов, которые фиксировали положение каждой видимой звезды, и к созданию мифов, которые объясняли происхождение всего сущего.

Вопрос о том, как этногенез шумеров повлиял на их космологию, является одним из центральных в этой книге. Если шумеры пришли из горных районов, то их мифы должны были сохранить память о горах как о священных местах, и действительно, в шумерской космологии гора Дуранки играет центральную роль как ось мира. Если шумеры были мореплавателями, то в их мифах должны были присутствовать образы океана и морских путешествий, и действительно, первозданный океан в шумерской космогонии — это исходная точка всего сущего. Если шумеры были земледельцами, то их календарь и ритуалы должны быть привязаны к сельскохозяйственному циклу, и так оно и есть: каждый месяц шумерского года имел своё название, связанное с полевыми работами, и каждый праздник отмечал определённый этап земледельческого процесса. Эти соответствия не являются прямыми доказательствами, но они создают связную картину, в которой этногенез и космология переплетаются в единое целое.

Современная наука не даёт окончательного ответа на вопрос о происхождении шумеров, но она дала нам инструменты для его изучения: лингвистику, археологию, антропологию, генетику. Генетические исследования, проведённые в последние десятилетия на скелетных останках из шумерских захоронений, показывают, что население Двуречья было генетически разнообразным, но при этом в нём выделяются компоненты, характерные для Кавказа и Иранского нагорья, а также компоненты, характерные для Леванта и Аравийского полуострова. Это подтверждает гипотезу о смешанном происхождении шумеров и о том, что их культура сложилась на стыке нескольких этнических потоков. Но генетика не может ответить на вопрос о языке: генетический код не связан прямо с лингвистической принадлежностью, и даже если мы установим, откуда пришли предки шумеров биологически, мы не узнаем, на каком языке они говорили до того, как он стал шумерским.

И всё же, несмотря на все эти неопределённости, мы можем с уверенностью сказать одно: шумерская цивилизация была порождением Двуречья, его климата, его рек, его глины,

его неба. Именно эта земля, расположенная между двумя великими реками, сформировала их мировоззрение, их религию, их науку. И потому изучение происхождения шумеров — это не просто упражнение в исторической реконструкции, это ключ к пониманию того, как среда обитания влияет на формирование космологических представлений, как человек, глядя на окружающий ландшафт, создаёт образ Вселенной, который затем передаёт потомкам как незыблемую истину. В этом смысле шумеры — универсальный пример, показывающий, что космология всегда укоренена в географии, всегда отражает опыт жизни на определённой территории, всегда несёт на себе отпечаток тех условий, в которых народ формировался и рос. И когда мы сегодня читаем шумерские тексты о небе и земле, мы читаем не только их, но и саму землю Двуречья, которая продолжает говорить с нами через клинописные знаки, через измеренные расстояния и вычисленные циклы.

Глава 3. Этногенез в тисках истории: шумеры и их соседи

Когда первые клинописные знаки появились на глиняных табличках Урука, мир вокруг Двуречья уже был густо населён множеством племён и народов, говоривших на разных языках, поклонявшихся разным богам, живших по разным обычаям. Шумеры оказались не в пустоте, не в изолированной нише, куда не проникали чужие влияния, а в центре перекрёстка, где сходились пути из Азии, Африки и Европы, где торговали, воевали, вступали в браки и обменивались идеями. Это окружение стало для них и вызовом, и источником обогащения, и, в конечном счёте, причиной их гибели как самостоятельного политического организма. Однако именно в этом тесном соседстве, в этой постоянной борьбе за выживание и влияние, шумерская культура отточила свои формы до такой степени совершенства, что даже завоеватели не могли отказаться от её достижений, а лишь встраивали их в свои собственные системы, создавая новые синтезы, которые затем передавались дальше по цепочке времён.

На западе и севере от шумерских городов простирались земли, занятые семитскими племенами — кочевниками и полукочевниками, которые постепенно оседали на окраинах Двуречья, проникая в его города, смешиваясь с местным населением. Аккадцы, амореи, арамеи — эти имена знакомы каждому, кто изучал историю Месопотамии, но в ранний период все они были для шумеров просто «варварами», людьми, не знавшими цивилизованной жизни, не писавшими на глине, не строившими храмов. Однако семитские племена имели одно огромное преимущество: их языки были родственны между собой, и это создавало обширную коммуникационную сеть, которая связывала их от Средиземного моря до Персидского залива. Шумеры, напротив, были лингвистически изолированы, и эта изоляция, с одной стороны, защищала их культуру от растворения, а с другой — делала их зависимыми от переводчиков, посредников, двуязычных писцов, которые обеспечивали связь с внешним миром.

Эламиты, жившие на востоке, в горах и долинах современного Ирана, были ещё одной загадкой для шумеров. Их язык также был изолирован, не родственник ни семитским, ни индоевропейским, ни шумерскому, и это создавало ситуацию, когда два изолированных языка — шумерский и эламский — соседствовали друг с другом, не имея общих корней, но постоянно взаимодействуя через торговлю и войну. Элам был богат металлами, камнем, деревом — всем тем, чего не хватало в глинистой равнине Двуречья. Шумеры отправляли туда свои экспедиции за медью, за серебром, за драгоценными породами, и взамен получали не только сырьё, но и идеи, технологии, художественные приёмы. Эламская культура оказала заметное влияние на шумерскую архитектуру, на технологию обработки металла, на иконографию богов, и это влияние, как считают многие исследователи, могло быть более глубоким, чем принято считать, просто потому, что эламские тексты почти не сохранились, и мы не можем оценить масштаб этого культурного обмена в полной мере.

На юге шумеров омывали воды Персидского залива, по которым плавали корабли из Магана (современный Оман), Дильмуна (современный Бахрейн) и даже Мелуххи (предположительно, долина Инда). Эти торговые пути были древними, старше самого Шумера, и по ним текли не только товары — медь, лазурит, золото, слоновая кость, — но и знания. Морские путешествия, требовавшие умения ориентироваться по звёздам, возможно, стали одним из источников шумерских астрономических знаний. Мореплаватели Дильмуна, как считалось, обладали особым искусством чтения небесных карт, и шумеры, контактируя с ними, могли перенять некоторые приёмы наблюдения за светилами. Кроме того, сами представления о первозданном океане, о том, что мир рождён из водной стихии, могли быть навеяны видом бес-

крайних вод залива, где горизонт теряется в дымке и небо сливается с морем, создавая иллюзию бесконечности.

Однако главным соседом и главным конкурентом шумеров были северные народы, обитавшие в горах Загроса и на Армянском нагорье. Оттуда, с высоты, спускались племена, которые несли с собой новые технологии — колесницы, боевые топоры, сложные доспехи. Они же приносили и свои мифы, своих богов, своё понимание Вселенной. В шумерской космологии есть следы этих горных влияний: образ горы Дуранки как оси мира, идея о том, что небо держится на вершинах, представление о божествах, живущих на высоких горах, — всё это может быть отголоском контактов с горными народами, для которых гора была естественным символом величия и близости к небу. Шумеры, жившие на равнине, не могли не заметить, что на горизонте, там, где земля встречается с небом, всегда есть горы — далёкие, синие, почти нереальные, но присутствующие как обещание иного мира, иного измерения.

Политическая история Шумера — это непрерывная череда конфликтов с соседями и между собой. Города-государства воевали друг за друга, за воду, за плодородные земли, за контроль над торговыми путями. Эти войны были не только разрушительными, но и стимулирующими: они требовали инженерных решений для укреплений, логистических расчётов для перемещения войск, организационных навыков для управления большими территориями. Войны также способствовали обмену культурными ценностями: победители увозили в свои города не только добычу, но и знания, ремесленников, писцов, которые затем обогащали местную традицию новыми элементами. В этом смысле шумерская космология не была статичной; она развивалась под влиянием каждого нового завоевания, каждого нового контакта, каждого нового союза.

Аккадское завоевание Шумера в XXIV веке до нашей эры под предводительством Саргона Великого стало поворотным моментом в этнической истории Двуречья. Аккадцы, семитский народ, говоривший на языке, родственном современному арабскому и ивриту, создали первую в истории настоящую империю, объединившую весь регион от Персидского залива до Средиземного моря. Шумеры были покорены, их города потеряли независимость, их цари стали вассалами аккадских властителей. Но, как это часто бывает, завоеватели попали в культурный плен к побеждённым. Аккадцы переняли шумерскую письменность, религию, литературу, науку. Они даже начали писать на шумерском языке для религиозных и научных текстов, считая его священным языком, языком богов и древней мудрости. Этот процесс культурной аккультурации был настолько глубоким, что аккадские жрецы стали хранителями шумерских знаний, включая астрономию, и передали их дальше, в Вавилон и Ассирию, уже как собственную традицию, забывая или затушёвывая её шумерские корни.

В этот период, когда шумерский язык постепенно выходил из повседневного употребления, уступая место аккадскому, происходит интересное явление: шумерские космологические представления не только сохраняются, но и систематизируются, кодифицируются, записываются в более полной форме. Именно в это время создаются многие из тех текстов, которые мы знаем сегодня: «Энума элиш», мифы о сотворении мира, гимны богам, астрономические каталоги. Шумеры, утрачивая политическую власть, обретают интеллектуальную гегемонию: их идеи о Вселенной становятся общепризнанными в Двуречье, и даже те народы, которые никогда не говорили по-шумерски, принимают шумерскую картину мира как свою собственную. Это триумф культуры над политикой, который редко случается в истории, но когда случается — он меняет ход цивилизации на столетия вперёд.

Вместе с аккадцами в Двуречье проникают новые божества, чьи образы накладываются на старые шумерские, создавая синкретические фигуры, которые затем становятся основой вавилонского и ассирийского пантеонов. Инанна, шумерская богиня любви и войны, отождествляется с аккадской Иштар; Энлиль — с Белом; Энки — с Эйей; Уту — с Шамашем. Эти отождествления не были простой заменой имён: они влекли за собой переосмысление функций

и атрибутов, иногда кардинальное. Например, аккадская Иштар была более воинственной и более жестокой, чем Инанна, что отражало военно-имперскую идеологию аккадских царей, для которых богиня была не столько покровительницей любви и плодородия, сколько властительницей сражений и побед. Космология, соответственно, также трансформировалась: акценты смещались с циклического обновления природы на героическое завоевание пространства, что находило своё выражение в мифах о богах-воителях, покоряющих силы хаоса.

Но шумеры не были пассивными реципиентами чужих влияний. Они сами активно заимствовали у соседей — у эламитов переняли технологии обработки металла, у семитов — некоторые сельскохозяйственные приёмы, у горных племён — формы оружия и доспехов. В их языке появляются заимствования, которые указывают на торговые контакты: слова для обозначения меди, золота, лазурита, кедра — все они имеют шумерское происхождение. Это свидетельствует о том, что шумеры открыто смотрели на внешний мир, не избегали контактов, не замыкались в этнической гордости, а, напротив, стремились использовать все доступные ресурсы — не только материальные, но и культурные, интеллектуальные. Их собственная культура была достаточно сильна, чтобы перерабатывать чужое и делать его частью своего, не теряя собственной идентичности. И, быть может, именно эта гибкость, эта открытость и позволила шумерской космологии пережить гибель шумерского государства и сохраниться в веках.

К концу третьего тысячелетия до нашей эры шумерский язык почти перестаёт быть разговорным, но продолжает существовать как язык школы, языка науки и религии. Подобно тому, как латынь жила в средневековой Европе, шумерский жил в Двуречье, и на нём писались новые тексты, составлялись новые гимны, проводились новые обряды. Это означает, что шумерская культура не погибла, а трансформировалась в новое качество — стала частью более широкой месопотамской цивилизации, которая затем передала её наследие грекам, евреям, арабам, а через них — всему миру. В этом смысле этногенез шумеров не закончился их политической гибелью; он продолжился в тех формах, которые они сами создали, и которые продолжали существовать, впитывая новые влияния и адаптируясь к новым условиям.

Ассирийские цари, которые правили Двуречьем в первом тысячелетии до нашей эры, считали себя наследниками шумерской мудрости. Они собирали библиотеки клинописных табличек, включая древнейшие шумерские тексты, и изучали их как священные документы, содержащие ключи к пониманию мира. В библиотеке Ашшурбанипала в Ниневии были найдены тысячи табличек, многие из которых были копиями или переводами шумерских оригиналов, включая астрономические каталоги, списки созвездий, предсказания по небесным светилам. Эта реконкиста древнего знания была не просто археологическим любопытством — она отражала глубокое убеждение в том, что шумеры обладали истиной, которая была утрачена в последующие времена и которую необходимо восстановить, чтобы боги вновь благоволили к людям. И, быть может, именно это убеждение сохранило шумерскую космологию до наших дней, ибо без ассирийского собирательства многие тексты были бы навсегда утеряны.

Но рядом с ассирийцами жили и другие народы, которые также впитывали шумерское наследие. Халдеи, вавилоняне, персы, греки — каждый из них по-своему перерабатывал шумерские идеи о небе, добавляя свои собственные, создавая всё более сложные и абстрактные системы. Шумерская шестидесятеричная система стала основой для всех последующих астрономических вычислений; шумерские названия созвездий трансформировались в греческие, а затем в латинские и арабские, чтобы дойти до нас в виде привычных имён — Лев, Рак, Скорпион, Стрелец. Шумерские представления о планетах как о божественных посланниках, о Луне как о мертвой или затенённой, о затмениях как о предзнаменованиях — все эти идеи передавались по цепочке поколений и столетий, иногда в искажённом виде, но всегда сохраняя свою суть.

Этногенез шумеров в тисках истории — это не просто вопрос о происхождении одного народа. Это вопрос о том, как культура рождается, растёт, сталкивается с другими культу-

рами и выживает в этом столкновении. Шумеры не были самыми многочисленными, не были самыми воинственными, не были самыми богатыми среди народов своего времени. Но они были самыми настойчивыми в своём стремлении понять небо, и эта настойчивость сделала их бессмертными. Их соседи забыли их имена, но запомнили их числа, их знаки, их карты. И когда сегодня астроном говорит о шестидесяти минутах в часе или о триста шестидесяти градусах в круге, он, сам того не сознавая, повторяет слово, сказанное на берегах Тигра и Евфрата пять тысяч лет назад.

Загадка происхождения шумеров, возможно, никогда не будет полностью разгадана, и в этом есть своя прелесть. Нет ничего более привлекательного для ума, чем тайна, которая сопротивляется разгадке, которая каждый раз, когда кажется, что она раскрыта, вновь уходит в тень, оставляя лишь новые вопросы. Шумеры оставили нам свои таблички, свои храмы, свои города, но они не оставили ключа к самим себе — к тому, откуда они пришли, кто были их предки, какими путями они бродили, прежде чем осесть в Двуречье. И это молчание, быть может, самое красноречивое из всех свидетельств: оно говорит о том, что для них важнее было не прошлое, а будущее, не то, откуда они пришли, а то, куда они направляются — к звёздам, которые они так тщательно наблюдали и записывали.

Сами они, возможно, считали свой народ вечным, существовавшим всегда, от начала времён, как небо и земля. В их мифах нет историй о переселении, нет легенд о странствиях, но есть истории о первом человеке, о первом городе, о первом храме. Вся их космология построена на идее начала, первотворения, и в этом они неотличимы от всех древних народов. Но в отличие от многих других, они не пытались найти своё место в космосе через генеалогию, через происхождение от богов. Они пытались найти своё место через знание — через постижение законов, по которым движутся светила, и через подчинение этим законам. И, быть может, именно это отличает шумерскую космологию от всех остальных: она была не столько верой, сколько наукой, не столько мифом, сколько вычислением.

Этногенез в тисках истории завершился для шумеров тем же, чем он начинался: исчезновением в потоке других народов, растворением в более широкой месопотамской культуре. Но их изолированный язык, их уникальная письменность, их поразительная астрономия — всё это не исчезло. Оно сохранилось в глине, которая, будучи обожжённой, становится почти вечной. И теперь, когда археолог откапывает табличку в развалинах Ура или Ниппура, он слышит голос человека, жившего пять тысяч лет назад, который записывал то же самое, что записываем мы сегодня: положение светил, смену времён, движение планет. Этот голос не изменился, не постарел, не утратил своей убедительности. Он говорит о том, что человек — существо, которое смотрит на небо и видит в нём не только огни, но и вопросы, вопросы, которые не имеют окончательных ответов и потому всегда остаются открытыми.

И в этой открытости — главное наследие шумерского этногенеза. Они не дали нам окончательной космологии, они дали нам метод — метод наблюдения, записи, вычисления, предсказания. Они дали нам привычку смотреть на небо и видеть в нём закономерности, а не случайности. Они дали нам календарь, который связал земледелие с движением светил, и через это связал человека с космосом. Они дали нам карту звёздного неба, которая, будучи уточнённой и дополненной, служит до сих пор. И, возможно, самым важным их даром было осознание того, что Вселенная устроена разумно, что в её движении есть ритм, который можно понять и предсказать. Это осознание превратило космос из царства богов в предмет научного изучения, и в этом смысле шумеры были первыми учёными в истории человечества, первыми, кто заменил страх перед неизвестным на любопытство и доверие к порядку вещей.

Когда ассирийские и вавилонские писцы переписывали шумерские тексты, они делали это не из академического интереса, а из глубокого убеждения, что эти тексты содержат истину, которая была открыта в незапамятные времена и которая не должна быть утрачена. И эта вера в древнюю мудрость, которая передаётся из поколения в поколение, сохранила шумерскую

космологию в целости, позволив ей пройти через все бури истории — через падение империй, через смену религий, через забвение клинописи. Когда в XIX веке европейские исследователи расшифровали клинопись, они с изумлением обнаружили, что перед ними — не просто древний текст, а живое свидетельство о том, как люди мыслили о Вселенной в самом начале цивилизации. И это свидетельство до сих пор не потеряло своей актуальности, ибо вопросы, которые задавали шумеры, — те же самые, что задаём мы. Где начало мира? Есть ли у него конец? Что такое время? Что такое пространство? Каково наше место в бесконечной Вселенной? Шумеры не дали окончательных ответов, но они дали слова, чтобы задавать эти вопросы, и это уже немало для народа, исчезнувшего пять тысяч лет назад, но оставившего свой след в самом языке астрономии — в каждом градусе, каждой минуте, каждой секунде нашего измерения неба.

Глава 4. Города-государства: Ур, Урук, Лагаш и Ниппур

Город в представлении шумеров был не просто скоплением домов и храмов, не просто укрепленным поселением, где люди укрывались от врагов и непогоды. Город был живым организмом, телом божества, которое избрало это место для своего постоянного обитания, и потому каждый город имел своего бога-покровителя, свой храм, свой зиккурат, свои ритуалы, свой календарь и свою, пусть и небольшую, но особую космологию. Шумеры не мыслили себя вне города, вне его стен и каналов, вне его храмовых комплексов и рыночных площадей. Быть шумером означало быть жителем Ура или Урука, Ниппура или Лагаша, и эта локальная идентичность была часто сильнее общей этнической принадлежности, объединявшей все черноголовые города. Именно в этом городе-государстве, этой уникальной политической форме, возникшей в Двуречье и нигде более в столь ранний период, вызрели те семена знания, которые затем дали всходы в виде клинописных астрономических табличек, календарных систем и космологических мифов.

Ур, город, чье имя на языке шумеров означало нечто вроде «поселение» или «жилище», но в более глубоком смысле — «место основания», был одним из древнейших и наиболее почитаемых центров Двуречья. Расположенный на юге, вблизи от Персидского залива, Ур стоял на пересечении водных путей, которые связывали его с Дильмуном, Маганом и Мелуххой, с теми далекими странами, откуда приходили корабли, груженные медью, золотом и лазуритом. Зиккурат Ура, посвященный богу Луны Нанне, возвышался над равниной как гигантский ступенчатый холм, видимый за многие километры, и его верхняя платформа была местом, где жрецы вели ночные наблюдения за движением небесного светила, которое они считали своим покровителем. Нанна, или Син, как называли его аккадцы, был богом, управляющим временем, ибо именно по фазам Луны шумеры отсчитывали дни и месяцы, именно его появление и исчезновение определяли ритм религиозных праздников. В Уре астрономия достигла таких высот, что жрецы могли предсказывать затмения с точностью, поражающей даже современных исследователей, которые не всегда понимают, какими методами пользовались древние наблюдатели без телескопов, секстантов и хронометров.

Урук, город, давший имя целому периоду шумерской истории — урукскому, был центром культа богини Инанны, самой сложной и противоречивой фигуры в шумерском пантеоне. Инанна была богиней любви и войны, плотской страсти и политической власти, утренней и вечерней звезды — той самой, которую мы называем Венерой. Ее храм, Эанна, «Дом небес», был одним из самых величественных сооружений древности, и его стены хранили записи наблюдений за движением планеты, которая, как и сама богиня, то появлялась на востоке перед восходом Солнца, то исчезала, чтобы через несколько месяцев засиять на западе после заката. Эта двойственность Венеры — утренней и вечерней звезды — поражала шумерское воображение, и они видели в ней отражение двойственной природы Инанны, которая могла быть и нежной возлюбленной, и беспощадной воительницей. Астрономы Урука следили за каждым появлением планеты, записывая даты ее гелиакических восходов и закатов, и эти записи, накопленные за столетия, позволили им вычислить цикл Венеры с ошибкой всего в несколько дней, что является выдающимся достижением для цивилизации, не знавшей оптических приборов.

Лагаш, расположенный к северо-востоку от Урука, на берегах одного из каналов, питавшихся водами Тигра, был городом, который в определенные периоды истории становился ведущей политической силой Двуречья. Его богом-покровителем был Нингирсу, воинственный бог, изображаемый с львиноголовым орлом и булавой, символом непобедимой силы. В Лагаше сохранились самые ранние из известных исторических надписей, в том числе знаменитая стела коршунов, запечатлевшая победу над соседним Уммой. Но Лагаш был не только военной дер-

жавой — он был центром учёности, где писцы создавали обширные архивы, включающие хозяйственные документы, юридические кодексы, литературные тексты и, разумеется, астрономические записи. Именно в Лагаше были обнаружены древнейшие календарные таблички, показывающие, что местные жрецы уже в середине третьего тысячелетия до нашей эры вели учёт лунных месяцев и корректировали его вставными днями, чтобы согласовать лунный год с солнечными сезонами. Эта практика интеркаляции, столь важная для земледелия, была разработана именно в Лагаше, и отсюда распространилась по другим городам, став основой для всех последующих месопотамских календарей.

Ниппур занимал особое место среди шумерских городов. Он не был политической столицей, его цари не правили империями, его армии не прославились победами. Но Ниппур был духовным центром Шумера, городом, где находился храм Энлиля, верховного бога, владыки ветра и дыхания жизни, того самого, который разделил небо и землю и установил порядок во Вселенной. Энлиль был богом, чьё слово было непреложно, чьи решения определяли судьбы царей и народов, и потому каждый правитель, независимо от того, в каком городе он сидел на троне, стремился получить благословение в Ниппуре, принести жертву в храме Энлиля и подтвердить свою легитимность перед лицом высшей инстанции. В этом городе хранились главные космологические тексты, включая списки богов, гимны творению, описания устройства мира. Ниппур был библиотекой Шумера, его архивом, его университетом, куда стекались писцы со всего Двуречья, чтобы копировать таблички, изучать древние тексты, совершенствовать свои знания. И именно в Ниппуре был создан канонический список имён богов, который затем лёг в основу всех позднейших теологических систем Месопотамии, включая вавилонскую и ассирийскую.

Каждый город-государство имел свою территорию, которая включала не только городские стены и прилегающие поля, но и более отдалённые земли, орошаемые каналами, маленькие деревни и хутора, торговые посты и караван-сарай. Власть в таком городе принадлежала царю, энси или лугалю, который был одновременно верховным жрецом, военачальником и судьёй. Царь считался избранником богов, и его главной обязанностью было поддержание ме — божественных законов, определяющих правильный порядок вещей. Если нарушалось ме, если царь допускал ошибку в ритуале или не угождал богам, это могло привести к катастрофам — неурожаю, наводнению, поражению в войне. И именно здесь астрономия входила в политику: жрецы, наблюдавшие за звёздами, толковали их движение как знаки воли богов, и если планета отклонялась от обычного пути или затмение происходило в неурочный час, это означало, что царь должен покаяться, принести дополнительную жертву или изменить своё поведение. Астрономия была не просто наукой, она была инструментом политической стабильности, и потому её развитие поддерживалось на самом высоком уровне.

Однако не следует представлять себе эти города как гармоничные общества, живущие в мире и согласии. Напротив, история Шумера — это история непрерывных конфликтов между городами-государствами, каждый из которых стремился расширить свою территорию за счёт соседей. Урук воевал с Уром, Лагаш — с Уммой, Ниппур, хотя и был священным центром, также оказывался втянутым в военные союзы, когда его храмовые земли подвергались нападениям. Эти войны приводили к разрушениям, но также и к обмену знаниями: когда один город завоёвывал другой, он забирал его архивы, его жрецов, его астрономические таблички, и таким образом лучшие достижения распространялись по всему Двуречью. Именно благодаря этим завоеваниям мы сегодня имеем тексты, которые в противном случае были бы утрачены навсегда, ибо каждый победитель считал долгом сохранить и приумножить культурное наследие побеждённых, видя в нём источник силы, а не слабости.

Городская архитектура Шумера была тесно связана с космологическими представлениями. Зиккурат, этот ступенчатый храм, возводившийся на искусственной платформе, был не просто зданием — он был моделью Вселенной. Его нижние ярусы символизировали земной

мир, средние — небесный свод, верхний — жилище бога, где он мог являться жрецам во сне или видении. Каждый ярус был окрашен в определённый цвет: нижний — в чёрный, цвет земли и Абзу, подземных вод; средний — в красный, цвет крови и глины, из которой был создан человек; верхний — в золотой, цвет Солнца и небесного огня. Подъём по ступеням зиккурата был ритуальным действием, символизирующим восхождение души из нижнего мира в верхний, из тьмы к свету, от земного к божественному. И когда жрец достигал вершины, он оказывался в точке, где небо и земля смыкались, где можно было увидеть всю Вселенную целиком и прочесть её знаки, начертанные на звёздном куполе.

Каждый город имел свой календарь, который определялся не только астрономическими наблюдениями, но и местными религиозными праздниками. В Уре месяц начинался с новолуния, и жрецы выходили на крышу зиккурата, чтобы увидеть первый серп молодой Луны, который объявлял начало нового месяца. В Уруке особое значение придавалось восходу Венеры, который связывался с праздником Инанны, и в эти дни город замирал в ритуальном экстазе, принося жертвы богине любви и войны. В Лагаше календарь был привязан к сельскохозяйственному циклу, и каждый месяц имел своё название, связанное с полевыми работами: месяц сева, месяц жатвы, месяц молотбы, месяц пахоты. Эти названия сохранились на тысячах хозяйственных табличек, и по ним мы можем восстановить, как именно шумеры распределяли свои земледельческие работы в течение года, как они следили за движением Солнца и Луны, чтобы не пропустить сроки сева и сбора урожая.

Ниппур, как духовный центр, имел наиболее разработанную календарную систему, которая затем была принята в качестве стандарта для всего Шумера. В Ниппуре год начинался с весеннего равноденствия, когда день уравнивался с ночью и природа пробуждалась от зимнего сна. Этот момент считался началом творения, временем, когда боги вновь утверждали порядок после зимы, которая воспринималась как возвращение хаоса. В день равноденствия в Ниппуре проводился главный праздник года — Акиту, который длился несколько дней и включал ритуальные процессии, жертвоприношения, песнопения и обновление царской власти. В эти дни жрецы-астрономы делали свои главные наблюдения, фиксируя положение Солнца относительно звёзд и определяя дату, с которой начинался новый год. Ошибка в несколько дней могла привести к смещению всех праздников, а значит, к гневу богов, и потому наблюдения в Ниппуре были особенно тщательными, а записи — особенно подробными.

Но города-государства Шумера были не только политическими и религиозными центрами. Они были также экономическими узлами, через которые проходили потоки товаров из разных концов древнего мира. В Ур прибывали корабли с медью и золотом; в Урук стекались караваны с лазуритом из Бадахшана; в Лагаш доставляли кедр из Ливана и диорит из Элама. Эта торговля требовала развитой системы мер и весов, а также учёта времени, чтобы планировать поставки, заключать контракты, фиксировать сделки. И здесь астрономия снова вступала в свои права: даты на торговых документах указывались по лунным месяцам, а если сделка заключалась на будущий урожай, то жрецы должны были заранее предсказать, когда этот урожай можно будет собрать, исходя из движения светил. Таким образом, астрономия была неотделима от экономики, и расцвет городов-государств был одновременно расцветом астрономических знаний, ибо богатые города могли содержать множество писцов и наблюдателей, которые посвящали свои жизни изучению неба.

Внутренняя структура каждого города отражала космологический порядок: в центре находился храм главного божества, вокруг него располагались дома жрецов и знати, далее — кварталы ремесленников и торговцев, и, наконец, на окраинах — жилища земледельцев и рыбаков, а также кладбища, где покоились предки. Эта радиальная структура напоминала шумерскую модель Вселенной, где центром была гора Дуранки, вокруг которой располагались небесные сферы, а на периферии — воды хаоса. Город был уменьшенной копией космоса, и каждый его элемент имел своё значение: стены защищали от внешнего хаоса, каналы несли

воду жизни от рек, подобно тому как верхние воды небес питали земные источники. Даже расположение ворот имело символический смысл: южные ворота были обращены к солнцу, северные — к тьме, западные — к смерти и закату, восточные — к рождению и восходу. Через эти ворота в определённые дни проходили ритуальные процессии, повторяя пути богов между небом и землёй.

Взаимоотношения между городами-государствами часто описывались на языке космологии: победа одного города над другим трактовалась как победа его бога над богом побеждённого, и в храмах победителя размещались статуи побеждённых божеств как символ их подчинения. Это означало, что космология была не просто отвлечённой теорией, она была оружием в политической борьбе, и каждый царь стремился доказать, что именно его бог управляет небом и землёй, именно его город является центром мира. Когда Саргон Аккадский завоевал Шумер, он провозгласил себя «царём четырёх сторон света», тем самым заявляя, что его власть простирается на весь космос, а не только на земное пространство. И в этом заявлении была не просто политическая амбиция, но и космологическая претензия: только тот, кто знает небо и управляет им через ритуал, имеет право править землёй.

Но города-государства были не только ареной борьбы, но и местом сотрудничества. Существовали общие святилища, такие как храм Энлиля в Ниппуре, которые признавались всеми городами, и туда стекались паломники со всего Двуречья, чтобы принести жертвы и получить прорицания. Эти общие святыни служили точками объединения, где жрецы разных городов могли обмениваться знаниями, обсуждать наблюдения, договариваться о едином календаре. Именно в Ниппуре была создана так называемая «царская список», в которой перечислялись правители всех городов, начиная с древнейших времён, и этот список служил своего рода хронологической основой, позволявшей синхронизировать события и датировки. Хотя этот список содержит мифические элементы, включая царей, правивших десятки тысяч лет, он отражает стремление шумеров к порядку, к систематизации времени, которое было столь же важно для их космологии, как и систематизация пространства.

Городские архивы сохранили для нас бесценные сведения о том, как именно шумеры вели свои астрономические наблюдения. В Уре были найдены таблички с записями лунных затмений за период более ста лет, причём каждая запись содержала дату, время, продолжительность и описание видимых явлений. В Лагаше обнаружены таблички с наблюдениями за положением планет, особенно Венеры, которая, как уже говорилось, имела важное ритуальное значение. В Уруке — таблички с вычислениями солнечного года и определением дат солнцестояний и равноденствий. Все эти документы показывают, что шумерские жрецы обладали не только наблюдательным опытом, но и математическим аппаратом, позволявшим им обрабатывать данные и делать предсказания. Они умели складывать, вычитать, умножать и делить, они знали дроби, они могли вычислять площади и объёмы, и этот математический инструментарий был неотъемлемой частью их астрономической практики.

Но самым замечательным в шумерских городах-государствах было то, что каждый из них, несмотря на все различия, разделял общую космологическую основу. Боги Ан, Энлиль, Энки, Нанна, Уту, Инанна — эти имена были известны во всех городах, и хотя в каждом городе был свой главный бог, остальные божества также почитались и имели свои храмы, пусть и меньшие. Эта общность пантеона создавала единое культурное пространство, в котором знания могли распространяться свободно, не встречая языковых или идеологических барьеров. Писцы, обучавшиеся в Ниппуре, затем отправлялись в Ур или Урук, принося с собой не только навыки письма, но и космологические тексты, которые копировали и дополняли. Благодаря этой мобильности интеллектуалов шумерская космология не замыкалась в рамках одного города, но становилась достоянием всего народа, а затем, через завоевания и торговлю, — и соседних народов.

Гибель городов-государств как самостоятельных политических единиц наступила с возвышением Аккадской империи, которая объединила весь Шумер под единой властью. Но города не исчезли: они продолжали существовать как культурные и экономические центры, и их храмы оставались местами поклонения и научных занятий. Более того, под властью аккадских царей шумерская астрономия получила новый импульс, ибо империя нуждалась в унифицированном календаре, единых стандартах измерения времени, которые могли быть разработаны только на основе многовековых наблюдений, накопленных в разных городах. Аккадские писцы собрали эти наблюдения воедино, систематизировали их и создали то, что стало основой вавилонской астрономии — самой продвинутой астрономической системы древности, которая затем была унаследована греками и через них — современной наукой.

Так Ур, Урук, Лагаш и Ниппур, каждый по-своему, внесли свой вклад в сокровищницу знаний о небе. Ур дал нам лунный календарь и наблюдения за затмениями. Урук — каталоги Венеры и мифы о её божественной покровительнице. Лагаш — сельскохозяйственный календарь и первые записи о планетных циклах. Ниппур — систематизацию пантеона и хронологические списки, связывающие земную историю с небесной. Эти города, которые сегодня представляют собой лишь холмы, поросшие полынью, были когда-то живыми мозгами цивилизации, где рождались идеи, определившие ход человеческой мысли на тысячелетия вперёд. И когда мы читаем их таблички, когда мы расшифровываем их клинописные знаки, мы прикасаемся к тому же самому знанию, которое волновало жрецов, стоявших на вершинах зиккуратов, вглядывавшихся в ночное небо в надежде увидеть в нём порядок, закон и смысл.

Глава 5. От поселения к империи: политическая история Шумера

Политическая история Шумера начинается не с царей и не с битв, а с маленьких рыбацких посёлков, разбросанных по болотистым берегам Тигра и Евфрата, где люди жили в тростниковых хижинах, ловили рыбу, собирали съедобные корни и молились духам рек, не ведая ни письменности, ни колёс, ни городов. Эти первые поселения, возникшие ещё в шестом тысячелетии до нашей эры, были почти неотличимы от тысяч других неолитических стоянок, разбросанных по всему Ближнему Востоку, и ничто в их материальной культуре не предвещало того грандиозного взрыва, который произошёл через две тысячи лет, когда из этой трясины вдруг поднялись огромные храмовые комплексы, окружённые городскими стенами, и на глиняных табличках появились первые знаки, которые мы называем письменностью. Переход от поселения к империи не был прямым и поступательным, он был извилист, как русло Тигра, и полон возвратов к архаике, внезапных упадков и неожиданных возрождений, когда какой-нибудь небольшой город, казавшийся заштатным, вдруг становился столицей могущественного государства, чтобы через несколько поколений вновь превратиться в грудку развалин.

Раннединастический период, охватывающий примерно 2900–2350 годы до нашей эры, был временем формирования классических шумерских городов-государств, когда каждый крупный центр представлял собой самостоятельную политическую единицу с собственным царём, собственным войском, собственным храмовым хозяйством и собственными амбициями. В этот период власть в городах принадлежала энси — правителю-жрецу, который считался наместником бога на земле и управлял делами города от имени божества. Энси был не просто политическим лидером, он был посредником между миром людей и миром богов, и его главной обязанностью было поддержание ме — божественных устоев, определяющих порядок вещей. Если случался неурожай или наводнение, это означало, что энси нарушил ме, и ему приходилось приносить искупительные жертвы, перестраивать храмы или даже отречься от престола в пользу нового правителя, который, как верили, был более угоден богам.

Войны между городами-государствами были постоянным фоном политической жизни Шумера, и они не всегда велись ради территории или богатства — часто причиной служил религиозный спор: какой бог выше, чей храм древнее, чей ритуал правильнее. Город Умма и город Лагаш воевали друг с другом на протяжении поколений из-за плодородной полосы земли, которая проходила между ними и которую называли Гуэдenna, «край тростников». Этот конфликт, длившийся более полутора веков, оставил нам одни из древнейших исторических записей — так называемые «надписи Эанатума» на стеле коршунов, где царь Лагаша Эанатум изображается в момент триумфа, сжимающим в руках лук и стрелы, в то время как гигантские коршуны клюют лица поверженных врагов. Но даже этот памятник победителя не скрывает того, что война была разрушительной и кровопролитной, что поля Гуэдены несколько раз переходили из рук в руки, а население обоих городов страдало от голода и болезней, неизбежных спутников любого вооружённого конфликта в древности.

В середине третьего тысячелетия до нашей эры на политической сцене Шумера появляется фигура, которую можно назвать первым известным историческим завоевателем — это Лугальзагеси, царь Уммы, которому удалось объединить под своей властью большую часть Двуречья, включая Урук, Ур, Лагаш и даже Ниппур. Его надписи, сохранившиеся на нескольких глиняных цилиндрах, повествуют о том, как он захватил священный город, принёс жертвы в храме Энлиля и получил благословение на правление «от восхода до заката». Но Лугальзагеси не создал стабильной империи — его власть держалась на личном авторитете и военной силе, и после его смерти государство рассыпалось на прежние города-государства,

вернувшись к фрагментации, которая была характерна для раннединастического периода. И всё же его походы, его завоевания, его амбиции стали предвестником того, что произойдёт через несколько десятилетий, когда на арену выйдет семитский царь, которому суждено будет создать первую настоящую империю в истории человечества.

Этим царём был Саргон Аккадский, правивший примерно в 2334–2279 годах до нашей эры, человек, чьё происхождение окутано легендами, но чьи деяния зафиксированы в многочисленных клинописных текстах, прославляющих его как непобедимого завоевателя и мудрого правителя. Саргон начал свою карьеру как чашеноша при царе Киша, одного из северных городов Двуречья, где семитское влияние было сильнее, чем на юге. Затем он сверг своего господина, захватил власть и начал серию военных кампаний, которые привели его к покорению всех шумерских городов, от Ура до Ниппура, и далее — к завоеванию Элама, Сирии и даже Анатолии. Его держава простиралась от Средиземного моря до Персидского залива, и он провозгласил себя «царём четырёх сторон света», тем самым впервые в истории притязая на универсальную власть, на господство над всем известным миром.

Завоевание Шумера аккадцами не было простой сменой династий — это было столкновение двух культур, двух языков, двух мировоззрений, которое привело к синтезу, обогатившему обе стороны. Аккадцы, будучи семитами, принесли с собой свои обычаи, свои божества, свою организационную структуру, но они же переняли шумерскую письменность, шумерскую религию, шумерскую науку. Саргон и его преемники не разрушали шумерские храмы, не запрещали шумерские обряды, не преследовали шумерских жрецов — напротив, они всячески подчёркивали свою преемственность с древней традицией, строили зиккураты, приносили жертвы шумерским богам и даже сочиняли гимны на шумерском языке, который они считали священным и достойным божественного почитания. Такая политика культурной интеграции была уникальной для своего времени и позволила сохранить шумерское наследие, в том числе астрономические знания, которые аккадцы оценили как бесценный инструмент управления империей.

Имперская администрация требовала точного учёта времени: налоги собирались по календарю, военные походы планировались с учётом сезонов, сельскохозяйственные работы регулировались указами царя, определявшими сроки сева и сбора урожая. Для этого аккадские писцы использовали шумерский календарь, который был основан на лунных месяцах и солнечных сезонах, но они внесли в него свои коррективы, упростили систему интеркаляции, привязали её к более строгим астрономическим наблюдениям. Именно при аккадской династии, вероятно, был создан тот календарь, который затем использовали вавилоняне и ассирийцы, и который, в конечном счёте, повлиял на наш современный календарь через греческую и римскую традиции. Но аккадцы не ограничились календарём — они продолжили и развили шумерские астрономические записи, создавая более обширные каталоги и более точные таблицы предсказаний, которые позволяли жрецам заранее оповещать царя о грядущих затмениях или необычных положениях планет.

Однако империя Саргона была недолговечной. Уже через полтора столетия после его смерти, около 2193 года до нашей эры, Аккадское царство пало под ударами кочевых племён гутиев, которые вторглись из гор Загроса и разрушили столицу, превратив плодородные земли в пустыню. Наступил период, который шумерские тексты называют «тёмными веками», когда письменность почти исчезла из повседневного обихода, города обезлюдели, ирригационные системы пришли в упадок, и население Двуречья сократилось до минимума. В этот период астрономия, как и многие другие науки, пришла в упадок, хотя храмовые архивы, вероятно, сохранили древние таблички, и небольшие группы жрецов продолжали вести наблюдения, скрываясь от грабежей и разорений. Но когда гутии были изгнаны, а власть перешла к новой династии шумерских царей, так называемой Третьей династии Ура, произошло возрождение, которое во многих отношениях превзошло былую славу.

Третья династия Ура (около 2112–2004 годов до нашей эры) стала последним великим шумерским царством, временем, когда шумерский язык и культура пережили свой последний и самый яркий расцвет. Цари Ура, такие как Ур-Намму и Шульги, восстановили храмы, отстроили зиккураты, реорганизовали администрацию и, что самое важное, создали единую систему мер, весов и календаря для всей страны. Они объединили все шумерские города под своей властью, создав централизованное государство, которое контролировало не только Двуречье, но и прилегающие территории, вплоть до Персидского залива. Именно в этот период были созданы многие из тех текстов, которые мы сегодня считаем классикой шумерской литературы: гимны богам, эпос о Гильгамеше в его шумерской версии, списки царских династий, а также многочисленные астрономические таблички, содержащие наблюдения за движением планет и светил на протяжении десятилетий.

При Ур-Намму был создан первый известный нам кодекс законов, который, хотя и не регулировал астрономические вопросы напрямую, устанавливал порядок во всех сферах жизни, включая измерение времени. В этом кодексе были прописаны штрафы за несвоевременную уплату налогов, которые зависели от сельскохозяйственного календаря, и потому точность календаря становилась не только религиозной, но и юридической необходимостью. Писцы Ура вели ежедневные записи наблюдений за Луной, фиксируя моменты новолуния, полнолуния, затмений, и на основе этих записей составляли таблицы, позволявшие предсказывать лунные фазы на годы вперёд. Эти таблицы, обнаруженные археологами в XX веке, показывают удивительную точность, которая достигалась не телескопами, а тысячелетиями накопленного опыта и математического анализа.

Но Третья династия Ура пала под ударами нового врага — эламитов и амореев, которые вторглись с востока и запада одновременно, сокрушив оборону столицы и предав её огню. Около 2004 года до нашей эры Ур был разрушен, его зиккураты превратились в руины, его архивы были разграблены, и шумерская государственность исчезла навсегда. Однако культура не погибла вместе с государством. Аморей, завоевавшие Двуречье, основали свои династии, в том числе знаменитую Первую вавилонскую династию, которая восприняла шумерское наследие как святыню, переведя и сохранив тысячи клинописных текстов. И именно через вавилонян, через их библиотеки и школы, шумерские астрономические знания передались дальше — сначала халдеям, затем персам, затем грекам, которые создали на их основе свою собственную астрономию, до сих пор поражающую нас своей прозорливостью.

Закат шумерской политической истории был одновременно и её триумфом. Шумеры как народ исчезли, растворившись в семитской массе, но их язык продолжал жить как язык науки и религии, подобно тому, как латынь жила в средневековой Европе после падения Рима. Шумерские тексты переписывались на протяжении ещё двух тысяч лет, и каждый писец, копирующий древние таблички, вносил свой вклад в сохранение знаний, которые могли бы быть утеряны без этого упорного труда. Именно благодаря этой непрерывной традиции, прерванной лишь на короткий период гутийского вторжения, мы сегодня имеем возможность читать шумерские астрономические записи и видеть, как люди, жившие пять тысяч лет назад, представляли себе движение планет и звёзд.

Политическая история Шумера, таким образом, неразрывно связана с его космологией. Каждый завоеватель, каждый царь, каждая династия приносили свои коррективы в понимание неба, и эти коррективы отражали не только технический прогресс, но и идеологические сдвиги, изменения в религиозных представлениях, рост или упадок авторитета храмов. Когда Саргон Аккадский объединил Двуречье, он утвердил культ своего личного божества — Иштар, — и это привело к переосмыслению места Венеры в космической иерархии. Когда цари Ура восстановили храм Энлиля в Ниппуре, они вернули этому богу его главенствующее положение, и астрономы вновь начали уделять больше внимания наблюдениям за теми светилами, которые связывались с Энлилем, — за Юпитером и Сатурном, которые считались его воинами. Каждое

политическое событие отзывалось эхом в звёздных картах, и каждый сдвиг в небесной механике толковался как знак политических перемен.

В этом смысле шумерская политическая история — это не просто хроника войн и династий, это летопись того, как люди учились управлять временем, как они подчинили себе календарь и через него — космический порядок. И хотя их империи рассыпались, их города превратились в прах, их имена забылись, их вклад в астрономию остался навсегда, записанный на глиняных табличках, которые не сгорают в огне и не гниют в земле. И когда современный человек смотрит на часы, отсчитывающие минуты и секунды, он пользуется наследием шумерской шестидесятеричной системы, которая была разработана именно в те времена, когда цари Ура и Аккада боролись за власть над Двуречьем, не подозревая, что их самые долговечные победы будут одержаны не на поле брани, а на небе, в наблюдениях за вечно движущимися светилами.

Глава 6. Аккадское завоевание и семитизация Месопотамии

Когда Саргон, чашеноша из Киша, поднял мятеж против своего господина и захватил власть в одном из северных городов Двуречья, никто не мог предположить, что этот человек, чьё имя в переводе с аккадского означает «истинный царь», станет тем, кто навсегда изменит ход истории Месопотамии и, косвенно, всей западной цивилизации. Саргон был не шумером, он принадлежал к семитским племенам, которые на протяжении многих веков жили на окраинах Двуречья, постепенно проникая в его города, смешиваясь с местным населением, но сохраняя свой язык и свои обычаи. Его приход к власти не был случайным — он отражал давний демографический и культурный процесс, в результате которого семитский элемент в Месопотамии становился всё более влиятельным, требуя для себя места, соответствующего его реальному весу в экономике и политике региона. И когда Саргон выступил в поход на юг, он нёс с собой не только меч, но и новую идею — идею империи, которая объединит все земли между морем и горами под властью одного царя, идею, которая была чужда шумерскому менталитету с его привязанностью к автономным городам-государствам.

Завоевание Шумера происходило постепенно, хотя аккадские летописи рисуют картину стремительных кампаний, когда одна крепость падала за другой, а царь Саргон неудержимо продвигался к Персидскому заливу, сокрушая сопротивление каждого города. На самом деле процесс занял несколько лет, и шумеры оказывали ожесточённое сопротивление, особенно те города, которые имели давние военные традиции и сильные укрепления. Урук, Ур, Лагаш, Ниппур — все они были взяты штурмом или сдались после длительной осады, и каждый раз Саргон проявлял неожиданное великодушие: он не разрушал храмы, не казнил жрецов, не угонял в рабство всё население. Напротив, он оставлял местных правителей на их постах, требуя лишь признания его верховной власти и уплаты дани, а главное — он принимал шумерских богов, принося им жертвы и участвуя в их ритуалах, чем завоевал симпатии тех, кто боялся религиозных гонений. Эта стратегия оказалась столь эффективной, что уже через несколько десятилетий шумеры перестали воспринимать аккадцев как чужеземных захватчиков, а начали видеть в них законных правителей, угодных богам и способных поддерживать порядок в стране.

Семитизация Месопотамии не ограничивалась политической сферой — она проникала в глубины языка, культуры и, что особенно важно для этой книги, в космологию. Аккадцы, приняв шумерскую письменность, постепенно адаптировали её для записи своего собственного языка, который был структурно очень далёк от шумерского, и это привело к возникновению так называемого аккадского варианта клинописи, более упрощённого и менее громоздкого, чем оригинальная шумерская система. Но адаптация письменности была лишь верхушкой айсберга: гораздо более глубокая трансформация происходила в религиозных представлениях, где шумерские боги постепенно отождествлялись с семитскими, а их функции переосмысливались в соответствии с новой идеологией, с новыми социальными условиями, с новой политической реальностью империи. Энлиль, шумерский бог ветра и дыхания жизни, стал Белом, аккадским владыкой неба и земли, но при этом утратил некоторые из своих архаических черт, такие как связь с бурей и хаосом, приобретя вместо них черты более абстрактного, почти философского божества, управляющего судьбами через закон, а не через стихийную мощь.

Энки, бог мудрости и водных глубин, превратился в Эйю, аккадское божество, которое сохранило свою хитрость и изобретательность, но стало более дистанцированным от мира людей, более недоступным, более таинственным. Инанна стала Иштар, и в этом превращении произошло, пожалуй, самое радикальное изменение: Иштар была более воинственной, более

агрессивной, более связанной с царской властью, чем её шумерская предшественница, которая, хотя и знала войну, всегда оставалась прежде всего богиней любви и плодородия. Аккадская империя, рождённая в огне сражений, нуждалась в воинственном божестве, которое благословляло бы завоевательные походы и давало победу над врагами, и Иштар стала этим божеством, её храмы строились в каждой завоёванной провинции, её статуи стояли рядом с царскими тронами, её имя повторялось в каждой военной молитве. И вместе с этим изменением образа богини менялось и отношение к её небесному воплощению — к планете Венера, которая переставала быть просто звездой любви и плодородия, а становилась звездой войны, звездой царей, звездой имперской судьбы.

Шумерские астрономические тексты не были уничтожены аккадскими завоевателями — напротив, они были скопированы, переведены на аккадский язык и включены в новую культурную традицию как основа для дальнейших наблюдений и вычислений. Аккадские жрецы, многие из которых были обучены шумерскими писцами, продолжали вести записи о движении планет, лунных фазах и затмениях, но теперь эти записи делались на аккадском языке, с использованием аккадской терминологии, которая вводила новые нюансы и новые категории. Так, шумерское слово «мул» означало любую звезду или планету, но аккадские астрономы различали «каккабу» — неподвижные звёзды, и «лубу» — блуждающие светила, планеты, которые не подчиняются общему ритму. Это различие, которое сегодня кажется элементарным, было важным шагом в развитии астрономии, ибо оно позволило более систематически изучать планеты, их орбиты, их периодические возвращения, их особые свойства, отличающие их от фона неподвижных звёзд.

Под властью Аккадской империи шумерские города, хотя и потеряли свою политическую независимость, продолжали оставаться экономическими и культурными центрами, где сохранялись и развивались знания о небе. Ур оставался центром лунного культа, и аккадские цари, как и шумерские до них, регулярно приносили жертвы Нанне, надеясь получить его покровительство в ночных делах и в предвидении будущих событий. Ниппур сохранил свой статус священного города, хотя его храмы были перестроены в аккадском стиле, а жрецы стали говорить на двух языках — шумерском для ритуалов и аккадском для администрации. Лагаш и Урук продолжали свои астрономические наблюдения, и их архивы пополнялись новыми табличками, в которых фиксировались не только небесные события, но и их интерпретации в свете аккадской идеологии. Таким образом, шумерская астрономия не прервалась, а трансформировалась, обогатившись новыми методами и новыми категориями, и эта трансформация подготовила почву для того расцвета астрономической науки, который произошёл в Вавилоне в последующие века.

Однако семитизация Месопотамии имела и обратную сторону: шумерский язык постепенно вытеснялся из повседневного обихода, становясь языком лишь учёных и жрецов, и это означало, что многие тонкости шумерской космологии, которые не были зафиксированы в письменных текстах, но передавались устно из поколения в поколение, были утрачены навсегда. Устная традиция была важной частью шумерской культуры: жрецы рассказывали друг другу о своих наблюдениях, обсуждали их значения, делились гипотезами, и многие из этих устных знаний никогда не попадали на глину, поскольку казались слишком очевидными или слишком эзотерическими для записи. Когда шумерский язык перестал быть разговорным, эта устная традиция прервалась, и мы можем лишь догадываться о том, что было утеряно — какие теории, какие расчёты, какие идеи не дошли до нас только потому, что их хранители ушли из жизни, не оставив письменных свидетельств.

Тем не менее, то, что было записано, оказалось настолько значительным, что даже после падения Аккадской империи, когда наступил период политического хаоса и культурного упадка, шумерские астрономические тексты продолжали переписываться и изучаться, переживая и гутийское вторжение, и последующие аморейские завоевания. Вавилоняне, которые

стали наследниками аккадской и шумерской традиций, относились к этим текстам с глубочайшим почтением, считая их откровением, данным самими богами в незапамятные времена, и потому не позволяли себе вольной интерпретации, а стремились воспроизводить их с максимальной точностью. Благодаря этому консерватизму многие шумерские тексты, включая астрономические, сохранились до наших дней в копиях, сделанных вавилонскими и ассирийскими писцами, которые в точности воспроизводили не только содержание, но и стиль, и даже орфографию оригинала.

Семитизация космологии проявилась также в изменении космографических представлений: аккадцы, выросшие в более северных и сухих районах, иначе воспринимали воду и её роль во Вселенной. Для шумеров вода была первозданной стихией, от которой произошло всё сущее, но аккадцы, жившие в зонах, где воды было меньше, а пустыни — больше, склонны были придавать большее значение суше, горам, камню. В аккадской космологии образ горы как оси мира стал ещё более центральным, и наряду с традиционной горой Дуранки появились новые мифологические горы — такие как Харсаг, «священная гора», на которой обитают боги, и которая служит границей между верхним и нижним мирами. Аккадцы привнесли также новый акцент на подземный мир, который в шумерских текстах был мрачным и безрадостным, но не обязательно злым, тогда как в аккадской традиции он стал более чётко ассоциироваться с наказанием, с тёмными силами, с врагами порядка, которых надо побеждать и заточать в глубинах.

Эти изменения в космологии отражали изменения в социальной структуре: империя требовала более жёсткой иерархии, более строгого порядка, более чёткой субординации, и эта потребность проецировалась на небесный мир, где боги также выстраивались в строгую иерархию, во главе которой стоял верховный владыка — сначала Энлиль, затем Мардук, затем Ашшур. Планеты и звёзды в этой иерархии занимали определённые места в зависимости от их видимой яркости и периодичности движения, и астрологические интерпретации стали более детализированными, более привязанными к социальным ролям: Юпитер, например, считался планетой царей, Сатурн — планетой старейшин и судей, Марс — планетой войны и смерти, Венера — планетой любви и победы. Эта система соответствий, дошедшая до нас через вавилонскую и греческую традиции, имеет свои корни именно в аккадском периоде, когда шумерские астрономические знания были переосмыслены в имперском контексте и адаптированы к нуждам государственного управления.

Аккадские цари также впервые начали использовать астрономию для пропаганды: они объявляли, что их победы предопределены звёздами, что их восшествие на престол было предсказано по движению планет, что их правление отмечено благоприятными небесными знамениями. Это был мощный политический инструмент, который позволял легитимизировать власть завоевателей в глазах побеждённых шумеров, убеждая их в том, что аккадцы пришли не случайно, а по воле богов, выраженной через движение светил. Таким образом, астрономия становилась не просто наукой, но идеологией, не просто наблюдением, но интерпретацией, не просто вычислением, но пророчеством. И в этом качестве она оказывала огромное влияние на политическую жизнь, определяя не только календарь, но и внешнюю политику, военные кампании, брачные союзы и даже повседневные решения царя, который не начинал ни одного важного дела без консультации с жрецами-астрологами.

Вместе с аккадским языком в Месопотамию проникали новые литературные формы, новые жанры, новые стили, которые обогатили шумерскую традицию и придали ей дополнительное измерение. Эпос о Гильгамеше, который, вероятно, существовал в устной форме на шумерском языке, был записан по-аккадски и превратился в великую поэму, ставшую одним из главных литературных памятников древности. В этом эпосе присутствуют космологические мотивы: путешествие Гильгамеша к Утнапиштиму, пережившему потоп, его поиски бессмертия, его встреча с богами и демонами — всё это вписано в шумерскую космологическую

картину мира, но обогащено аккадской поэтикой и аккадским пониманием судьбы и человеческого удела. И когда мы читаем этот эпос сегодня, мы видим в нём не просто приключенческую историю, но глубокое размышление о месте человека во Вселенной, о границах смертного существования, о возможности преодолеть эти границы через знание, через подвиг, через память.

Семитизация Месопотамии не была быстрым процессом — она длилась несколько столетий, и даже в период расцвета Аккадской империи шумерский язык продолжал использоваться в официальных надписях, наряду с аккадским, как язык древней мудрости и священной традиции. Двухязычие стало характерной чертой месопотамской культуры, и многие писцы одинаково свободно владели обоими языками, переключаясь с одного на другой в зависимости от жанра, темы или аудитории. Это двухязычие сыграло решающую роль в сохранении шумерских астрономических текстов: когда шумерский язык начал выходить из употребления, аккадские писцы создавали двухязычные версии важнейших текстов, с параллельными колонками на шумерском и аккадском, что позволяло читать и понимать их даже тем, кто не владел шумерским. Именно благодаря этим двухязычным табличкам, многие из которых были найдены в библиотеках Ниневии и Ашшура, мы сегодня можем реконструировать шумерскую космологию с достаточно высокой степенью достоверности.

Важно также отметить, что аккадское завоевание принесло в Месопотамию новые астрономические понятия и методы, заимствованные у других семитских народов, особенно у амореев и арамеев, которые жили на окраинах Двуречья и имели свои собственные традиции наблюдения за небом. Эти традиции, хотя и были менее развиты, чем шумерские, содержали ценные элементы: например, более детальную классификацию звёзд по их яркости, более точные названия для некоторых созвездий, более сложные методы предсказания погоды по положению светил. Аккадские астрономы синтезировали эти элементы со шумерскими, создавая тем самым систему, которая была значительно богаче и разнообразнее исходных компонентов. Этот синтез стал основой для дальнейшего развития астрономии в Вавилоне, где она достигла своей вершины в первом тысячелетии до нашей эры.

Завоевание Шумера аккадцами было не концом, а началом новой главы в истории месопотамской космологии. Шумеры не исчезли, они трансформировались, они вошли в более широкий мир, где их идеи встретились с другими идеями, их знания — с другими знаниями, их боги — с другими богами. Из этого столкновения и синтеза родилась вавилонская астрономия, которая затем стала матерью греческой астрономии, а через неё — всей современной науки о небе. И, быть может, самым важным результатом аккадского завоевания было то, что шумерская космология перестала быть локальным знанием, ограниченным небольшим регионом, и стала всеобщим достоянием, распространившимся по всей Передней Азии и затем — по всему Средиземноморью. И когда мы сегодня пользуемся календарём, делим час на шестьдесят минут, а минуту — на шестьдесят секунд, мы обязаны этим именно тому синтезу, который произошёл в аккадский период, когда шумерская математика встретила с семитской организацией, и родилась система, которая пережила все империи и все революции.

Глава 7. Шумерский язык: ключ к пониманию космоса

Язык, на котором говорили чёрноголовые люди, чьи города выросли между Тигром и Евфратом, принадлежит к числу величайших загадок лингвистики, ибо он не имеет ни одного достоверного родственника ни среди живых, ни среди мёртвых языков, ни среди тех, что известны по письменным памятникам, ни среди тех, что реконструированы гипотетически. Шумерский язык стоит в полном одиночестве, как одинокий камень посреди пустыни, и это одиночество не перестаёт поражать исследователей, которые привыкли находить связи, параллели, заимствования, общие корни даже между очень далёкими языковыми семьями. Но шумерский не поддаётся никаким сравнениям: его грамматика уникальна, его лексика необычна, его фонетика — загадочна, и хотя за полтора столетия дешифровки клинописи учёные научились читать и понимать шумерские тексты с высокой степенью достоверности, они так и не смогли ответить на вопрос, откуда взялся этот язык и как он смог сохранить свою уникальность в окружении столь многих и столь разных народов.

Для понимания шумерской космологии знание языка является не просто вспомогательным инструментом, а ключом, без которого дверь в древнее мировоззрение остаётся наглухо запертой. Язык не есть нейтральный носитель информации, он есть само мышление, он формирует категории, по которым человек воспринимает мир, он определяет, что считается важным, а что — второстепенным, что заслуживает отдельного слова, а что остаётся без обозначения. Шумерский язык, подобно любому другому, отражает те аспекты реальности, которые были наиболее значимы для его носителей, и потому изучая его структуру и лексику, мы можем проникнуть в глубины шумерского сознания, увидеть, как они представляли себе время, пространство, движение, причинность, жизнь и смерть — все те категории, которые лежат в основе любой космологии.

Одной из самых поразительных особенностей шумерского языка является его эргативная структура, которая радикально отличается от привычной нам номинативно-аккузативной системы, характерной для индоевропейских языков. В эргативных языках подлежащее переходного глагола оформляется особым падежом — эргативом, а подлежащее непереходного глагола и прямое дополнение переходного — одинаковым падежом, называемым абсолютивом. Для носителя русского или английского языка это звучит странно, но для шумера такая грамматика была естественной, и она формировала особое восприятие действия: акцент делался не на том, кто совершает действие, а на самом действии и его результате, на том, что происходит с объектом. Это мировоззрение, в котором процесс важнее субъекта, пассивное переживание — важнее активного воздействия, нашло своё отражение и в космологии, где мир не создаётся кем-то одним, а скорее возникает, разворачивается, проявляется из некоего изначального состояния, где боги не столько творят, сколько упорядочивают, организуют, разделяют.

В шумерском языке нет привычного для нас разделения на прошедшее, настоящее и будущее время в том виде, как мы его знаем. Вместо этого существует система аспектов, которая различает завершённые и незавершённые действия, и это различие гораздо важнее временной отнесённости. Для шумера важнее было то, завершено ли действие, чем то, когда оно произошло, ибо завершённость означала определённость, порядок, в то время как незавершённость — процесс, становление, потенциальность. Эта категориальная сетка накладывалась на восприятие космических событий: сотворение мира было завершённым действием, раз и навсегда установившим порядок, но поддержание этого порядка — непрерывным, незавершённым процессом, требующим постоянного ритуального усилия. Так же и движение планет: каждое появление Венеры на небе было отдельным завершённым событием, но её цикл в целом — незавершённым, продолжающимся, вечно возвращающимся.

Склонение существительных в шумерском языке также несёт в себе космологические импликации. В нём есть падежи, обозначающие направление к объекту, нахождение в объекте, движение от объекта, но нет падежа, который бы обозначал обладание или принадлежность в нашем понимании. Вместо этого используются сложные конструкции, которые указывают на связь между предметами как на отношение соположенности, а не собственности. Это значит, что мир воспринимался не как набор объектов, принадлежащих кому-то или чему-то, а как сеть взаимосвязей, где каждый элемент связан с другим через пространственное или функциональное отношение. В космологии это проявилось в том, что небо не «принадлежало» Ану, но было «местом Ана», его сферой, его областью действия; земля не была «собственностью» Энлиля, но была его «основанием», его территорией. Это различие тонкое, но важное: оно исключает идею личной собственности на космические объекты, заменяя её идеей функциональной соотнесённости, что более гибко и менее антропоморфно.

Фонетика шумерского языка, насколько мы можем её реконструировать по аккадским транскрипциям и по внутренним закономерностям, также содержит уникальные черты, которые могли влиять на восприятие космических явлений. В шумерском было три согласных в каждой точке артикуляции — глухой, звонкий и эмфатический — и это создавало богатую систему контрастов, которая позволяла точно различать близкие по смыслу слова. Но что особенно важно для космологии, шумерский язык имел развитую систему именования небесных тел, каждое из которых получало имя, отражающее его свойства, его поведение, его связь с определённым божеством. Например, слово «дилимуд» означало планету, которая движется по небу, не останавливаясь, в отличие от звёзд, которые, как казалось шумерам, были неподвижны; слово «мул» использовалось для любой звезды, но в сочетании с другими словами оно приобретало конкретное значение — «мул-мул» означало звёздное скопление Плеяды, а «мул-ку-ку» — звезду, которая мерцает, то есть планета с изменчивой яркостью.

Шумерская лексика для обозначения небесных явлений была поразительно богата и дифференцирована. Для Луны существовало несколько названий в зависимости от её фазы: «уду» — новолуние, когда серп только появляется; «еш» — полнолуние, когда диск светил полностью освещён; «зу-зу» — убывающая Луна, когда свет уменьшается с каждым днём. Для Солнца также были разные имена: «уту» — дневное светило в его зените, «бара» — Солнце на восходе, когда оно только поднимается над горизонтом, «су-сик» — Солнце на закате, когда оно уходит в подземный мир. Эти различия не были просто поэтическими вольностями — каждое слово несло в себе конкретное астрономическое содержание, связанное с положением светила, его яркостью, его сезонной характеристикой. Жрецы-наблюдатели использовали эти термины с хирургической точностью, и по ним мы можем восстановить, что именно они видели и как они классифицировали увиденное.

Особого внимания заслуживает шумерская числовая система, которая, как уже упоминалось, была шестидесятеричной и оказала колоссальное влияние на всю последующую астрономию. Шумеры считали десятками и шестидесятками, и это число, шестьдесят, обладало для них особым сакральным значением, связанным с делением круга на 360 градусов, с делением дня на 24 часа и часа на 60 минут. Но почему именно шестьдесят? Ответ кроется не только в математических свойствах этого числа — оно делится на 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 12, 15, 20, 30 и 60, что делает его чрезвычайно удобным для вычислений, — но и в космологических представлениях: в шумерской мифологии число шестьдесят ассоциировалось с полнотой, с завершённостью, с божественным порядком. Верховный бог Энлиль носил эпитет «шестидесятилетний» или «шестидесятикратный», что указывало на его власть над временем, над циклами, над ритмами Вселенной. Планета Юпитер, которая вращается вокруг Солнца за 12 лет, а в шумерской системе была связана с верховным божеством, также имела отношение к числу 60, ибо её видимый цикл делился на пять частей по 12 лет, что в сумме давало 60 — число полноты.

Шумерские названия планет также несут в себе ключи к космологии. Меркурий назывался «Мумму» — именем бога-советника, вестника богов, который переносит приказы с неба на землю и обратно. Это соответствие не случайно: Меркурий, как самая близкая к Солнцу планета, часто прячется в его лучах, то появляясь на короткое время перед восходом, то исчезая за закатом, и его быстрые перемещения по небу делают его похожим на посланника, который не задерживается надолго в одном месте. Венера называлась «Инанна» (или «Иштар» в аккадской версии) — богиней любви и войны, что отражало её яркость и красоту, а также её двойственность как утренней и вечерней звезды. В шумерских гимнах Инанна предстаёт то как нежная возлюбленная, то как беспощадная воительница, и эта амбивалентность переносилась на планету, которая могла быть и предвестницей мира, и предвестницей войны. Марс назывался «Нергал» — богом чумы, войны и подземного огня, что указывало на его красноватый цвет, напоминающий кровь, и на его связь с разрушительными силами. Юпитер именовался «Нибиру» или «Энлиль» — верховное божество, царь богов, что соответствовало его яркости и его царственному виду на небе. Сатурн назывался «Кайману» или «Нинурта» — богом охоты и войны, что, вероятно, было связано с его медленным движением и тусклым светом, который требовал терпения и настойчивости для наблюдения.

Шумерский язык имел также специальные термины для обозначения астрономических явлений, которые мы сегодня называем затмениями, солнечными и лунными. Затмение Луны называлось «ик-им-му» — «когда лицо закрывается», и это выражение прекрасно передаёт то, что видели древние наблюдатели: Луна, которая обычно сияла ярко, вдруг тускнела, темнела и исчезала, словно на её лицо накинута покрывало. Солнечное затмение называлось «бад-гиг» — «злые огни», ибо во время полного затмения Солнце превращалось в чёрный диск, окружённый короной, и это зрелище, устрашающее даже для современного человека, должно было производить на шумеров впечатление апокалиптического события. В текстах сохранились записи жрецов, которые наблюдали за этими явлениями и истолковывали их как знаки судьбы, как предупреждения от богов, и каждое такое событие требовало немедленных ритуальных действий — молитв, жертв, покаяний, чтобы отвлечь гнев небожителей.

Одной из самых интересных особенностей шумерского языка, напрямую связанной с космологией, является система префиксов, обозначающих направление движения. В шумерском есть специальные показатели, указывающие на движение вверх, вниз, внутрь, наружу, вдоль, поперёк, и эти показатели не просто описывают пространственное перемещение, они структурируют всё восприятие мира. Движение вверх ассоциировалось с небом, с богами, с жизнью, с ростом; движение вниз — с землёй, с подземным миром, с мёртвыми, с убыванием; движение внутрь — с храмом, с городом, с защищённым пространством; движение наружу — с пустыней, с враждебным миром, с хаосом. Эти ориентиры создавали топографию Вселенной, в которой каждый объект имел своё место, и каждый путь имел своё значение. Когда жрец поднимался по ступеням зиккурата, он не просто шёл вверх, он совершал ритуальное восхождение, которое в языке описывалось специальным глаголом, отличным от обычного подъёма; когда планета поднималась над горизонтом, она также «восходила» в этом сакральном смысле, знаменуя начало нового цикла, нового благоприятного периода.

Передача шумерских космологических текстов через аккадские переводы неизбежно приводила к потерям и искажениям, ибо аккадский язык, при всём его богатстве, имел иную грамматическую структуру, иную лексическую сетку, иные категориальные противопоставления. Например, шумерское различие между завершёнными и незавершёнными действиями в аккадском передавалось через систему времён, что смещало акцент с аспекта на темпоральность, а значит, меняло восприятие космических событий. Для шумера сотворение мира было завершённым действием, не имеющим длительности во времени; для аккадца оно становилось действием, которое произошло в прошлом, со всеми вытекающими последствиями для календаря и хронологии. Это смещение, незаметное на первый взгляд, привело к тому, что вави-

лонская космология оказалась более историчной, более привязанной к датам и событиям, чем шумерская, которая была более циклической и более мифической.

Тем не менее, даже через аккадские переводы мы можем уловить шумерскую языковую основу, потому что аккадские писцы, с огромным уважением относившиеся к оригиналу, часто сохраняли шумерские слова в неизменном виде, особенно когда речь шла о ритуальных или астрономических терминах. Так, в вавилонских текстах до самого конца клинописной традиции использовались шумерские названия для многих планет, созвездий и небесных явлений, и это позволяет нам проследить непрерывность астрономической лексики от древнейших времён до последних табличек, датированных первыми веками нашей эры. Клинописные знаки, каждый из которых мог иметь и шумерское, и аккадское чтение, стали мостом между двумя языками, и через этот мост шумерская космология перешла в аккадскую, а затем, через греческие переводы, — в европейскую традицию.

Изучение шумерского языка для понимания космологии — это не просто академический интерес, это необходимость, ибо без языка мы имели бы только набор фактов, лишённых смысловой связности. Зная язык, мы можем читать гимны, в которых боги описываются в терминах небесных явлений; мы можем расшифровывать таблички с наблюдениями, которые фиксируют положения планет с точностью до градуса; мы можем анализировать мифы о сотворении мира, в которых каждое слово — будь то глагол движения или имя существительное — несёт космологическую нагрузку. Без языка все эти тексты превратились бы в мёртвые буквы, в графику, лишённую звука и значения; но благодаря дешифровке, которая была осуществлена в XIX веке, эти тексты вновь заговорили, и их голос, пусть и слабый, но отчётливый, доносит до нас дыхание древнейшей цивилизации.

Среди множества шумерских слов, связанных с космосом, есть одно, которое, быть может, более всего говорит о шумерском мироощущении, и это слово «ан-ки» — буквально «небо-земля», которое обозначает не два отдельных объекта, а единое целое, одно неделимое пространство, где небо и земля соединены невидимой связью, неразрывны, как две стороны одной глиняной таблички. В этом слове заключена вся суть шумерской космологии: мир есть единство, и все его элементы — верхние и нижние, видимые и невидимые, живые и мёртвые — образуют единый организм, в котором нет места изоляции и разрыву. И когда шумерский жрец произносил это слово в ритуальной формуле, он тем самым утверждал гармонию Вселенной, её целостность, её нерушимый порядок, который был заложен в момент творения и который должен сохраняться до конца времён.

Язык шумеров является не просто средством коммуникации, но и ключом к их космологии, к их пониманию мира, к их отношению к времени и пространству. Каждое слово, каждая грамматическая форма, каждый фонетический нюанс — всё это содержит информацию о том, как чёрноголовые люди видели Вселенную, как они классифицировали её объекты, как они взаимодействовали с ними через ритуал и знание. И когда мы сегодня пытаемся реконструировать шумерскую космологию, мы не можем обойтись без языка, ибо без него мы имели бы лишь обломки, лишь фрагменты, лишь тени того великого здания, которое было воздвигнуто между Тигром и Евфратом пять тысяч лет назад. Но, владея языком, мы можем войти в это здание, пройти по его залам, рассмотреть его украшения, и выйти оттуда обогащёнными тем опытом, который был накоплен древними мыслителями, смотревшими на то же небо, что и мы, но видевшими в нём нечто иное — не просто свет и тьму, а порядок и смысл, выраженный в словах, которые они оставили нам на глиняных табличках, переживших все бури истории.

Глава 8. Клинопись — небо, запечатлённое в глине

Когда шумерский писец брал в руки стилус, вырезанный из тростника, он прикасался к инструменту, который в его культуре был более чем простой принадлежностью канцелярии. Тростник рос на берегах рек и каналов, питаясь той же водой, которая оплодотворяла поля, и потому стилус воспринимался как продолжение самой жизни, как орудие, через которое вода, глина и человеческий разум соединялись воедино, создавая третью субстанцию, нечто такое, чего не было ни в земле, ни в небе, но что открывало путь к познанию обоих. Первые клинописные знаки появились около 3300 года до нашей эры в Уруке, и это были не буквы и не слова в привычном смысле, а пиктограммы — рисунки, изображавшие предметы или действия, которые можно было узнать с первого взгляда. Голова человека, рыба, ячмень, звезда, серп Луны, нога, идущая по дороге, — все эти символы были понятны без перевода, и они служили для учёта, для пометок, для кратких записей, которые не требовали сложного синтаксиса или грамматики.

Но очень скоро шумеры обнаружили, что пиктограммы ограничены: они могут изобразить конкретный предмет, но не могут передать абстрактное понятие, глагол в прошедшем времени, отношение одного объекта к другому. И тогда начался процесс, который лингвисты называют фонетизацией письменности, когда знак начинает обозначать не предмет, а звук, входящий в состав слова, и становится возможным записать любое слово, даже самое отвлечённое, даже имя собственное, даже то, что никогда не было нарисовано на глине. Шумеры были первыми, кто совершил этот переход, и с этого момента клинопись перестала быть простой мнемонической системой и превратилась в инструмент мышления, в средство, позволяющее фиксировать не только факты, но и идеи, не только явления, но и их объяснения, не только небо, но и его толкование.

Клинописный стилус имел особую форму: его конец был скошен, так что при нажатии на влажную глину он оставлял след в виде клина — короткого утолщения с одной стороны и длинной линии с другой. От этого клина, латинского «синеус», и произошло название всей системы письма, которое сегодня называют клинописью. Знаки складывались из комбинаций таких клиньев, и каждый знак мог иметь до десятка отдельных элементов, расположенных в определённом порядке, под определённым углом, с определённым нажимом. Шумерский писец должен был обладать не только памятью, но и ловкостью, чтобы воспроизводить сотни знаков с достаточной скоростью и точностью, ибо каждая табличка требовала многих часов труда, а каждая ошибка могла испортить всю работу, ибо глина, хотя и пластична, не терпит повторного исправления без риска размазать уже нанесённые знаки.

Обучение письму начиналось в раннем детстве, и это было долгое и мучительное занятие, сравнимое с обучением музыке или живописи. Будущие писцы поступали в школы, которые назывались «эдубба» — «дом табличек», и там они проводили годы, заучивая знаки, копируя образцы, составляя списки слов, упражняясь в грамматике и стилистике. Школа была строгой, дисциплина жёсткой, наказания суровыми, ибо считалось, что только через труд и страдание можно овладеть мудростью, которая была скрыта в письменных знаках. Писцы запоминали тысячи знаков, каждый из которых мог иметь несколько значений, несколько чтений, и в зависимости от контекста один и тот же знак мог обозначать и «небо», и «звезду», и «бога», и «господина», и «Ана» — верховное божество. Эта многозначность, которая для нас была бы препятствием, для шумеров была преимуществом, ибо она позволяла создавать игру смыслов, каламбуры, поэтические эффекты, а также — что особенно важно для космологии — встраивать в один знак целую сеть ассоциаций, связывающих небесное с земным, божественное с человеческим.

Знак для «неба», который читался как «ан», представлял собой изображение звезды или, возможно, восьмиконечной розетки, символизирующей ночное светило. Это был один из древнейших знаков, и он встречается уже на самых ранних табличках, датируемых 3300 годом до нашей эры. Но этот же знак использовался и для обозначения верховного бога Ана, и для слова «высокий», и для понятия «верхний», и даже для указания направления «вверх». Таким образом, шумеры не разделяли астрономический объект, божество и пространственную категорию — для них всё это было единым, проявлениями одной и той же реальности, которую можно было обозначить одним клинописным знаком, не прибегая к длинным объяснениям. Точно так же знак для «земли» — «ки» — был одновременно и обозначением планеты, и именем богини-земли, и понятием «нижний», и указанием направления «вниз». Эта нерасчленённость была не недостатком, а особенностью мышления, которое видело мир не как набор изолированных объектов, а как непрерывный континуум, где все элементы связаны друг с другом, и где одно и то же слово может выражать множество граней одной сущности.

Для астрономических записей шумеры использовали особую разновидность клинописи, которую современные исследователи называют «астрономической». В этих текстах знаки часто имеют специфические, узкоспециализированные значения, которые не встречаются в других жанрах. Например, знак для планеты Венера — «дингир-инанна» — состоял из двух знаков: «дингир», означающий «божество», и «инанна», имя богини, но в астрономических контекстах он читался не как «богиня Инанна», а как «планета Венера», и это чтение было строго зафиксировано в словарях и учебных текстах, так что писец, видя этот знак, сразу понимал, о каком небесном теле идёт речь. Аналогично, знак для Луны — «наина» или «ненна» — в астрономических табличках мог означать не просто божество, но и конкретную фазу, конкретное положение на небе, конкретное время восхода или заката.

Одним из самых важных достижений шумерской клинописи было создание списков, каталогов, таблиц, которые систематизировали знания о небе. Эти списки составлялись на протяжении веков, каждый писец дополнял их новыми наблюдениями, новыми классификациями, новыми терминами, и в итоге сложилась та энциклопедическая традиция, которая затем была унаследована аккадцами и вавилонянами. В этих списках звёзды группировались по созвездиям, планеты — по их видимым характеристикам, затмения — по их типам и предзнаменованиям. Каждая запись была краткой, точной, лишённой поэтических украшений, ибо это была научная проза, которая требовала ясности, а не выразительности. Но даже в этих сухих перечнях чувствуется восхищение перед небом, перед его порядком, перед его бесконечным разнообразием, которое можно было свести к системе знаков, понятных посвящённым.

Клинопись не была изобретена одномоментно одним гением — она развивалась постепенно, как живой организм, адаптируясь к новым потребностям, к новым знаниям, к новым формам мышления. От пиктограмм к силлабограмме, от идеограмм к фонетическим знакам, от простого учёта к сложной литературе — этот путь занял несколько столетий, и на каждом этапе шумеры вносили в свою письменность что-то новое, отбрасывали устаревшее, совершенствовали то, что работало. В результате к концу третьего тысячелетия до нашей эры клинопись достигла той формы, в которой она просуществовала ещё более двух тысяч лет, почти не меняясь, ибо была признана совершенной, достойной богов, не нуждающейся в реформах. Этот консерватизм был не случайным: клинопись воспринималась как священное знание, данное Энки, богом мудрости, и потому любые изменения в ней считались кощунством, нарушением ме, которое могло навлечь беду на город или страну.

Глиняные таблички, на которых писали шумеры, были разных размеров и форм: маленькие, размером с ладонь, для кратких записей; большие, размером с книгу, для сложных текстов; круглые, для учёта зерна и скота; прямоугольные, для астрономических таблиц. Каждая табличка имела свою судьбу: одни хранились в архивах и библиотеках, другие использовались как учебные пособия, третьи отправлялись в храмы как дары, четвёртые — в могилы как

послания умершим. Но все они были сделаны из одной и той же глины, взятой с берегов Тигра или Евфрата, смешанной с водой, тщательно вымешанной, разглаженной до гладкости, а затем высушенной на солнце или обожжённой в печи. Обожжённые таблички оказались бессмертными: они не боялись воды, не боялись огня, не боялись времени, и когда археологи откопали их через тысячи лет, они были почти такими же, как в день своего создания, сохранив каждый клин, каждую точку, каждое нажатие стилуса.

Одним из самых удивительных свойств клинописи является то, что она позволяла записывать не только слова, но и числа, и притом с высокой точностью. Шумерская числовая система, как уже говорилось, была шестидесятеричной, и она использовала два основных знака: вертикальный клин для единиц и горизонтальный клин для десятков. Комбинируя эти знаки, можно было записать любое число от 1 до 59, а затем, переходя к следующему разряду, использовать ту же систему для чисел, кратных 60. Для астрономии это означало возможность точного измерения углов, времени и координат, и шумерские жрецы пользовались этой системой для записи положений планет, длительности затмений и интервалов между небесными событиями. Именно благодаря этой системе мы сегодня делим круг на 360 градусов, час на 60 минут, минуту на 60 секунд — всё это наследие шумерской клинописи, которая зафиксировала эти соотношения в своих астрономических табличках.

Шумерские писцы также создали специальные термины для записи координат небесных тел. Они использовали три основных понятия: «а» — направление, «ки» — положение, «галь» — величина, и комбинируя эти слова с названиями созвездий или планет, они указывали, где именно на небе находится данное светило в данный момент времени. Эта система координат была достаточно точной, чтобы различать положения, отличающиеся на несколько градусов, и хотя она не достигала точности современных астрономических измерений, она была вполне адекватна для предсказания затмений и сезонных событий. Кроме того, шумеры разработали метод вычисления времени восхода и захода светил, основанный на наблюдении за их прохождением через определённые точки горизонта, которые отмечались на земле с помощью каменных стел или специальных отметок на стенах храмов.

Библиотеки клинописных табличек были созданы во многих шумерских городах, но самой знаменитой является библиотека Ашшурбанипала в Ниневии, хотя она относится к ассирийскому периоду и содержит в основном аккадские копии шумерских оригиналов. Тем не менее, и в шумерские времена существовали храмовые архивы, где хранились сотни и тысячи табличек, систематизированных по темам: сельское хозяйство, торговля, право, литература, религия и, конечно, астрономия. Эти архивы были доступны не всем, но писцы, прошедшие обучение, имели право входить в них, копировать тексты, делать выписки и дополнения. Таким образом, шумерская учёность была коллективной: знание накапливалось веками, и каждый писец вносил в него свою лепту, исправлял ошибки предшественников, добавлял новые наблюдения, уточнял старые расчёты.

Одной из самых замечательных астрономических табличек, дошедших до нас, является так называемая «табличка Венеры» из библиотеки Ашшурбанипала, которая представляет собой список наблюдений за планетой Венера за период более двадцати лет. В этой табличке записаны даты появления Венеры на востоке перед восходом Солнца и на западе после заката, продолжительность её видимости, а также астрологические интерпретации каждого события. Хотя эта табличка была составлена в аккадский период, её содержание восходит к шумерским наблюдениям, накопленным ещё в Уруке и Ниппуре, и она является ярким свидетельством того, как клинопись позволяла сохранять и систематизировать знания о небе на протяжении многих поколений.

Другим важным типом астрономических текстов являются так называемые «каталоги звёзд», в которых перечисляются десятки и сотни звёзд с указанием их названий, их принадлежности к созвездиям, их положений относительно друг друга. Самый известный из этих

каталогов — «MUL.APIN», что переводится как «Плуг» или «Звезда, которая плуг», и он содержит описание примерно семидесяти звёзд и созвездий, а также инструкции по определению времени года по их положению на небе. Хотя «MUL.APIN» был составлен в вавилонский период, его основой являются шумерские материалы, собранные в течение многих столетий, и он даёт нам уникальное представление о том, как шумеры видели ночное небо, как они группировали звёзды в фигуры, как они связывали эти фигуры с мифами и ритуалами.

Клинопись также использовалась для записи астрономических предсказаний и толкований, которые были важной частью храмовой практики. Жрецы-астрологи, наблюдая за движением планет и затмениями, делали записи о том, что, по их мнению, предвещает то или иное небесное явление: войну, засуху, голод, смерть царя или рождение наследника. Эти записи, сначала краткие, постепенно становились всё более подробными, и в конечном счёте сложился корпус предзнаменований, который содержал сотни и тысячи толкований, систематизированных по типам явлений и по их соответствиям. Эта традиция, зародившаяся в Шумере, затем перешла в Вавилон и Ассирию, а оттуда — в греческую и арабскую астрологию, которая жива до сих пор, хотя и в сильно изменённом виде.

Расшифровка клинописи в XIX веке стала одним из величайших интеллектуальных подвигов в истории науки. Генри Роулинсон, Эдвард Хинкс, Фридрих Делич и другие учёные, работая с трёхязычными надписями, такими как Бехистунская скала в Иране, смогли сопоставить аккадские, эламские и древнеперсидские тексты и найти ключи к чтению клинописных знаков. Когда они, наконец, прочитали первые шумерские таблички, перед ними открылся совершенно новый мир — мир, которого не было в греческих или римских источниках, мир, который был старше Гомера на тысячу лет, мир, в котором люди уже знали имена планет, уже вычисляли циклы Луны, уже строили зиккураты, ориентированные по сторонам света. С этого момента шумерская астрономия стала доступна для изучения, и она сразу же заняла своё место как одна из величайших научных традиций древности.

Глиняные таблички, покрытые клинописными знаками, хранят в себе не только астрономические данные, но и космологические теории, объясняющие устройство Вселенной. В них записаны мифы о сотворении мира, в которых клинописные знаки играют роль не просто средства записи, но и символического языка, который сам по себе отражает космический порядок. В шумерской традиции письменность считалась божественным даром, и потому процесс записи астрономических наблюдений был не просто технической процедурой, а священнодействием, актом сотворения, подобным тому, как боги творили мир. Когда писец выводил знак «ан» — звезду — он не просто обозначал небесное светило, он в некотором смысле призывал его, делал его присутствующим в пространстве таблички, связывал его через клинописную форму с божественной реальностью.

Именно благодаря клинописи мы можем сегодня реконструировать шумерскую космологию, не прибегая к гадательным гипотезам и интерпретациям. У нас есть первоисточники — тысячи табличек, которые говорят сами за себя, которые содержат факты, даты, имена, названия, расчёты. Клинопись была тем мостом, который соединил древних наблюдателей с современными исследователями, и по этому мосту мы можем пройти, не боясь заблудиться, ибо каждый знак — это веха, каждый текст — это карта, на которой обозначены контуры шумерской Вселенной. Без клинописи мы бы знали о шумерах не больше, чем о других народах бронзового века, чьи культуры исчезли без следа; но благодаря ей мы слышим их голоса, читаем их мысли, видим их небо, и это делает их не просто историей, а живым присутствием в нашем мире, где каждый раз, когда мы смотрим на звёзды, мы смотрим на те же самые светила, которые они наблюдали пять тысяч лет назад.

Глава 9. Ан-Ки: небо и земля как единое целое

В самом основании шумерского миропонимания лежит понятие, которое невозможно перевести одним словом на любой современный язык, ибо оно содержит в себе не два отдельных объекта, а одно неделимое целое, одну сущность, один организм, одну реальность, которая была до начала всех начал и которая останется после конца всех концов. Это понятие — Ан-Ки, небо и земля, не как два элемента, а как единое целое, как изначальная пара, как перво-субстанция, из которой развернулся весь мир, все боги, все люди, все растения и животные, все звёзды и планеты, все ветры и воды, все времена и пространства. Шумеры не мыслили небо отдельно от земли, ибо для них эти две сферы были соединены незримой пуповиной, которая не могла быть перерезана без того, чтобы весь мир не рухнул в хаос; они были двумя половинами одного яйца, двумя сторонами одной таблички, двумя берегами одной реки — разделёнными, но неразрывными, различными, но едиными в своей сути и своём происхождении.



Рисунок. Ан-Ки: небо и земля как единое целое
Из

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.